

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
 » 2 мѣсяца. 3 »
 » 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
 по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
 H. GEORG, Genève, rue de la
 Corratierie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое АПРѢЛЯ 1883

14 Марта умеръ въ Лондонѣ, 65 лѣтъ отъ роду, **КАРЛЪ МАРКСЪ**, авторъ сочиненія о «Капиталѣ», одинъ изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего времени, въ массѣ публики болѣе извѣстный, какъ основатель Международнаго Общества Рабочихъ, въ которомъ онъ представлялъ государственнo-коммунистическое направление.

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленіе, I. — 2) Волненія въ Новоалександрійскомъ Институтѣ. — 3) Ходатайство екатеринславскаго земства. — 4) Изъ Варшавы, (Корреспонденція «В. Слова»), Поляка. 5) Польское социально-революціонное общество «Пролетаріатъ». — 6) Самодержавіе и оскуднѣніе, Р. Ф. — 7) Отъ ред. «В. С.» — 8) Изъ бумагъ редакціи «Колокола»: III. Письма Мельгунова къ А. И. Герцену. IV. Письма NN, денутата редакціи по кр. дѣлу. — 9) Отъ ред. «В. Слова», М. Д. — 10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. IX. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи (Продолженіе), Н. Жебунева. — 11) Новый проектъ государственнаго социализма, В. Г. — 12) Земская хроника. II. Работа и препятствія по народному образованію, О. В. — 13) Извѣстія и замѣтки: Слухи о II. Г. Чернышевскомъ. — 14) Поправки.

ЖЕНЕВА 1 апрѣля 1883 г.

Не смотря на то, что Россія и Западная Европа находятся въ разныхъ политическихъ возрастахъ, соседство ихъ производитъ однако же то, что обѣ половины нашего материка оказываютъ другъ на друга весьма сильное, хотя и неравное вліяніе. Россія теперь стоитъ передъ рѣшеніемъ того вопроса объ ограниченіи самовласти послѣдственной монархіи и ея агентовъ, который Англія рѣшила въ XVII в., Франція въ XVIII в., а германскія государства въ первой половинѣ XIX в. Западно-европейскія же страны, такъ или иначе управившись съ этимъ, собственно политическимъ, вопросомъ, стоятъ теперь передъ вопросомъ социальнымъ. Правда, вопросъ этотъ назрѣваетъ по своему и въ Россіи, въ значительной степени

благодаря поддержкѣ, какую оказываетъ абсолютизмъ поземельной аристократіи и паразитирующему капитализму (какъ было въ свое время и въ зап. Европѣ). Съ другой стороны, и въ западной Европѣ сторонники социально-экономической эмансипаціи низшихъ классовъ вынуждены братья за политическіе вопросы въ тѣхъ странахъ, гдѣ эмансипація политическая не совершила еще полного своего круга и гдѣ политическая система не даетъ массамъ народа даже юридической возможности проявлять свою мысль и волю: вотъ почему социалисты, напр., въ Италіи, Австро-Венгрии, Бельгіи агитируютъ въ пользу поголовной подачи голосовъ, т. е. за учрежденіе, за которое въ другихъ странахъ стояли политическіе дѣятели, и не думавшіе о социализмѣ, а напр. во Франціи заботятся объ автономіи коммунъ, которая по своему интересуется то же не однихъ социалистовъ. Подобныя струи въ общемъ теченіи западно-европейской политической жизни сближаютъ это теченіе и по существу, а не только по современности, съ тѣмъ политическимъ движеніемъ, которое происходитъ въ Россіи. Но за тѣмъ и сама современность западно-европейскаго и русскаго движенія, при возрастающей близости отношеній двухъ половинъ нашего континента, порождаетъ усложненія въ этихъ движеніяхъ вслѣдствіе вліянія одного на другое. Такъ новѣйшія западно-европейскія социальныя теоріи прицѣпились къ возгорѣвшейся у насъ особенно съ 60-хъ годовъ борьбѣ либерально-демократическаго направленія съ дворцово-помѣстнымъ элементомъ, а съ другой стороны, какъ упорство этого послѣдняго, такъ и раздраженіе его противниковъ, дошедшее до недавнихъ проявленій т. наз. терроризма, въ сущности напоминающаго эпоху «тиранноубійствъ» въ предшествующій періодъ исторіи Западной Европы, — отражается на соответственныхъ общественныхъ элементахъ и этой послѣдней.

Безпристрастно - научное наблюденіе какъ отличій, такъ и точекъ соприкосновенія и взаимодѣйствія явленій общественной жизни на обѣихъ половинахъ нашей части свѣта было бы въ высшей степени любопытно и даже поучительно въ практическомъ отношеніи. Но, къ сожалѣнію, такое отношеніе къ общественной жизни составляетъ большую рѣд-

кость даже въ нашъ «положительный» вѣкъ, — а въ публицистикѣ и въ парламентскомъ ораторствѣ, т. е. въ тѣхъ проявленіяхъ политическаго слова, которыя наиболѣе доступны массѣ общества, это отношеніе по большей части замѣняется самымъ поверхностнымъ скольженіемъ по предметамъ, а часто и умысленнымъ извращеніемъ ихъ значенія, — котораго вредныя послѣдствія исправляются только при полной свободѣ слова, при которой возможно взаимное самоисправленіе всѣхъ односторонностей.

Было бы очень любопытно прослѣдить, какому извращенію подвергаются какъ въ реакціонныхъ, такъ и въ революціонныхъ лагеряхъ западной Европы явленія теперешней политической борьбы въ Россіи. Но для русскаго публики гораздо интереснѣе найти истину въ той путаницѣ, которую хотятъ посягать въ ея понятіяхъ тенденціозные извратители западно-европейскихъ событій. Мы посвящаемъ настоящую статью разсмотрѣнію подобныхъ покушеній на затемненіе политическаго смысла публики въ Россіи, по поводу новѣйшихъ острыхъ проявленій социальнаго раздраженія въ зап. Европѣ, которыя выражаются, между прочимъ, и въ фактахъ, напоминающихъ явленія русскаго «терроризма».

Аграрныя и политическія убійства въ Ирландіи, динамитные взрывы во Франціи, взрывъ въ Лондонѣ и т. п. подали поводъ русскимъ политическимъ реакціонерамъ кричать о динамитно-анархической эпидеміи, которая-де обняла весь міръ и отъ которой-де не только не застрахованы страны съ самыми либеральными конституціями, но которой развитію эти конституціи собственно будто бы и способствуютъ. Затѣмъ репрессивныя мѣры, которыми власти разныхъ государствъ зап. Европы отвѣтили или которыя извѣстныя партіи въ зап. Европѣ даже только проектировали противъ явленій тамошняго терроризма (мѣры либеральнѣйшія, сравнительно съ русскимъ даже обычнымъ положеніемъ), нашими реакціонерами выставлены, какъ памфлетъ на блужданіе людей въ зап. Европѣ проститься съ «игрой въ либерализмъ» и вернуться къ тѣмъ спасительнымъ учрежденіямъ, которыя, благодаря Провидѣнію, сохранились въ русскаго монархіи. Время ли теперь

говорить „о правовомъ порядкѣ“, восклицаютъ какія нибудь „Моск Вѣд.“, — среди радостнаго танца всей россійской оличины.

Но на этомъ извращеніи не останавливаются, — особенно благодаря цензурѣ, допускающей всякія фантастическія свѣдѣнія о западно-европейской крамолѣ, вслѣдствіе раздуванія значенія репрессалій противъ нея, а не допускающей всесторонняго изображенія общественной жизни странъ, пользующихся большей противъ Россіи свободой, и передачи публикѣ въ Россіи всѣхъ оттѣнковъ мнѣній дѣйствующихъ въ этихъ странахъ партій. Послѣ извращенія реакціоннаго является односторонность и тенденціозность прогрессивная, которая въ свою очередь приравниваетъ между собою явления жизни западно-европейской и россійской до полного ихъ тождества, — и въ свою очередь говорить: „стоитъ ли толковать о всякихъ буржуазныхъ выдумкахъ, въ родѣ политическихъ свободъ и самоуправления?! Всѣ эти выдумки не удовлетворили социально-экономическихъ нуждъ западно-европейскихъ массъ — и мало того, какъ только эти массы зашевелились съ предъявленіемъ своихъ нуждъ, такъ либеральные правители отъбачаютъ имъ орудіями изъ арсенала, ничѣмъ не уступающаго россійско-императорскимъ жандармеріямъ, крѣпостямъ и централкамъ. Такъ не лучше ли молъ намъ, чѣмъ забавляться всякими либеральными игрушками, прямо готовиться къ той социальной революціи, къ которой идетъ весь цивилизованный міръ“. — Мы не останавливаемся еще на третьемъ родѣ отечественныхъ политическихъ философовъ, — воплиѣ уже наивныхъ, — на тѣхъ, которые, при видѣ западно-европейскихъ событий, образы которыхъ до нихъ доходятъ сквозь призму царской цензуры и официальныхъ репортеровъ, тѣшутся надеждой, что царская то опека именно раздрѣшитъ намъ и всѣ социальные вопросы.

Подобныя извращенія западно-европейской общественной борьбы, умышленныя или невольныя, — но всегда при пособіи царской цензуры, — уже дорого обошлись развитію политической мысли въ Россіи, особенно въ средѣ молодежи въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ (во время Интернаціонала и Парижской Коммуны); — и теперь онѣ угрожаютъ принести новый вредъ, — а потому требуютъ особеннаго противодѣйствія со стороны тѣхъ, кто поставилъ себя на настоящее время главной цѣлью агитацію въ пользу установленія въ Россіи политической свободы и самоуправления.

Попробуемъ же прежде всего разобраться въ явленіяхъ, которыя называютъ динамитно-анархической эпидеміей въ разныхъ странахъ зап. Европы.

Начнемъ съ Ирландіи и Англіи. Прежде всего мы увидимъ здѣсь, что собственно Англія тутъ ни при чемъ, а вся бѣда сосредоточивается въ Ирландіи, — т. е. именно въ той части Соединенныхъ Королевствъ, которая и не пользуется вполнѣ

британскимъ „правовымъ порядкомъ“ и самоуправленіемъ. Ирландцы — завоеванный народъ, который до сихъ поръ находится въ войнѣ съ правительствомъ Англіи и со всѣмъ установленнымъ этимъ послѣднимъ политическимъ и общественнымъ порядкомъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ народъ прибѣгаетъ ко всяческимъ способамъ борьбы. Если чему слѣдовало бы удивляться, такъ это тому, что „динамитная“ война занимаетъ у ирландцевъ еще сравнительно такъ мало рукъ, — и это было бы удивительно, еслибъ ключъ разгадки этого явленія не находился именно въ англійскихъ свободныхъ учрежденіяхъ, которые и въ своемъ несовершенномъ видѣ и въ неполномъ приложеніи къ Ирландіи все же даютъ возможность ирландцамъ проявить свой протестъ противъ несправедливаго порядка вещей на ихъ островѣ и иначе, чѣмъ аграрными политическими убійствами, и подають надежду на постепенное измѣненіе этого порядка въ болѣе справедливый. Во всякомъ случаѣ, если бы и можно было доказать (въ чемъ мы сомнѣваемся), будто либеральная политика, въ родѣ Гладстоновской, не принесла никакого успокоенія въ Ирландію, то у всѣхъ же на глазахъ и то, что 200 лѣтъ управленія въ этой странѣ „властной руки“, не разъ проявлявшей тамъ себя и въ XIX ст., не остановили въ ней даже дѣйствія тайныхъ „террористическихъ“ обществъ, а напротивъ именно вызвали ихъ къ жизни.

Такимъ образомъ сколько нибудь спокойный анализъ англо-ирландской „анархической“ приводитъ къ заключенію, не только не противному свободѣ и самоуправленію, но какъ разъ къ благопріятному имъ. Ирландія дѣйствительно является для Европы однимъ изъ очаговъ динамитной заразы, какъ и Россія, — но санитарною мѣрой противъ этой заразы здѣсь, какъ и въ Россіи, должны быть не полицейскія репрессаліи, уже испытанныя и только усилившія заразу, а реформы, — что отлично понимаетъ и англійское общественное мнѣніе.

Переходи теперь къ Франціи, мы должны прежде всего распутать ту путаницу и ложь, которую пустили объ этой странѣ реакціонные крикуны и сплетники. Такъ между прочимъ они подняли ужасный крикъ по поводу недавнихъ уличныхъ демонстрацій въ Парижѣ. Между тѣмъ эти демонстраціи, конечно, противузаконныя съ точки зрѣнія существующаго французскаго законодательства, въ сущности не представляютъ сами по себѣ ничего ненормальнаго, а тѣмъ болѣе ужаснаго. Инициаторы предположенныхъ въ Парижѣ процессій безработныхъ говорили прямо, что то, что „возможно въ монархической Англіи, не должно быть запрещасмо въ республиканской Франціи“. Мы не станемъ оспаривать права и обязанности французской полиціи разсѣивать сборища и процессіи, педозволенные закономъ, но трудно же отказать въ резонности и приведенному соображенію инициаторовъ парижскихъ демонстрацій. Въ самомъ дѣ-

лѣ, въ Англіи, гдѣ существуетъ свобода митинговъ не только въ закрытыхъ помещенияхъ, какъ во Франціи, но и на площадяхъ и въ паркахъ, — подѣ условіемъ нестѣсненія движенія, — процессіи, въ родѣ задуманныхъ въ Парижѣ, происходятъ часто и въ размѣрахъ безмѣрно большихъ, — и никто отъ этого въ ужасъ не приходитъ. Англійскіе митинги и процессіи не обходятся иногда безъ небольшихъ безпорядковъ, въ родѣ выбитія оконъ, но и отъ этого то же никто не ужасается за существованіе общества. Несомнѣнно, что если бы во Франціи существовала полная, англійская и швейцарская свобода митинговъ, то тамъ и намѣреніе собрать на площади безработныхъ людей не было бы преступнымъ, а потому и не произвело бы и тѣхъ безпорядковъ въ уличныхъ, какія случились въ Парижѣ. Прежде всего тогда ни революціонные кружки, ни провокаторы разныхъ партій не имѣли бы повода раздувать подобное совершенно законное и мирное дѣло. (А что провокаторовъ со стороны тамошнихъ „катковцевъ“ было не мало и въ послѣднихъ демонстраціяхъ въ Парижѣ, — это кажется, ясно). Что мы не фантазируемъ, дѣлая наши предположенія, что не свобода, а ея ограниченія были поводомъ къ недавнимъ уличнымъ безпорядкамъ въ Парижѣ, на это мы имѣемъ доказательства въ исторіи подобной же процессіи безработныхъ, происходившей года два назадъ въ Женевѣ.

Въ то время и здѣсь, какъ теперь въ Парижѣ, была застой въ работахъ. Женевѣ, хотъ и вовсе не такой центръ всемірнаго союза динамитчиковъ-анархистовъ, какъ она рисуется въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ разныхъ странъ, а все таки заключаетъ въ себѣ нѣсколько человекъ теоретиковъ бунтарства, — пропорціонально, навѣрное, больше, чѣмъ Парижѣ. Когда въ Женевѣ среди безработныхъ явилась мысль о процессіи къ Hôtel de Ville съ цѣлью заявить кантональнымъ властямъ и всему городу о своемъ положеніи, то были сдѣланы и предположенія устроить демонстрацію шумнѣе; говорили между прочимъ, что отъ Hôtel de Ville процессія спустится на Place de Mollard, женевскій форумъ, и тамъ, при красномъ знамени, будетъ восклицаніе: да здравствуетъ социальная революція! Но процессія, никѣмъ не безпокойная, окончилась совершенно мирно: делегаты рабочихъ сказали, что хотѣли, представителю правительства, тотъ отвѣтилъ имъ, что могъ, — и всѣ пошли по домамъ. Такъ было бы и въ Парижѣ, если бы тамъ существовала женевская свобода и самоуправленіе! Въ Женевѣ самый немудрый консерваторъ заграждаетъ уста революціонеру замѣчаніемъ: „съ кѣмъ и противъ кого вы будете дѣлать революцію? Съ нашими согражданами и противъ согражданъ же? Такъ если вы убьете большинство согражданъ валлихъ идти за вами, — тогда вамъ не за чѣмъ будетъ и революцію дѣлать, тогда вы просто станете правительственной партией и сдѣлаете, что только вамъ заблагоразсудится. Убѣждайте же вашихъ согражданъ въ резонности и спа-

ельности ваших идей: вы для этого сете полную возможность въ свободѣ ати, сходокъ и слова". И женевскіе іальныя революціонеры бунтарскаго равленія, при всемъ желаніи, ничего могутъ противопоставить этой аргу- тации и держать свои революціонныя мы на чисто платоническомъ положе- —и если чему вредятъ своимъ револю- измомъ, такъ именно дѣлу социализма Женевѣ.

ты десятки разъ присутствовали на гныхъ и публичныхъ собраніяхъ, соз- ныхъ бунтарями разныхъ національно- і въ Женевѣ, мажду прочимъ, и тѣми, ыхъ французскіе журналы выдаютъ ашнихъ шифровъ международныхъ люціонныхъ комитетовъ, — и убѣжда- , только въ полной безвредности съ ервативной точки зрѣнія, какъ и въ олезности съ точки социалистической съ страшныхъ людей: абстрактные ernationalno-бунтарскія фразы толь- помѣшали этимъ, въ сущности доб- шимъ, людямъ изучить мѣстныя же- жія и вообще швейцарскія условія пропаганды социалистическихъ тео- сдѣлать эту пропаганду сколько ни- , интересною для мѣстныхъ людей и ѣмъ привлечь къ себѣ сколько нибудь очисленную часть этихъ людей, — ь то же время малочисленность по- ователей, при полной свободѣ слова Женевѣ, отнимала у самыхъ горячихъ етиковъ бунтарства охоту къ призы- къ бунту (смѣшнымъ вѣдь никому хотется быть!), — и все ихъ бунтарст- водилось къ восклицаніямъ: рабочіе лите, наконецъ, что васъ эксплуати- ть, организуйтесь! будемъ организо- ся! — organisez vous! organisons nous! — къ вещамъ, которыя могутъ считаться омомъ только въ такихъ странахъ, какъ ія.

раздо болѣе основанія имѣли консер- ры и реакціонеры поднимать шумъ поводу прошлгоднихъ динамитныхъ ововъ на югѣ Франціи: въ Монсо- ле ѣ и Ліонѣ и по поводу теорій, какія азывались около того времени въ ыхъ кружкахъ и листкахъ, называв- ся анархическими, нѣкоторые пред- ители которыхъ привлечены были къ ынему процессу въ Ліонѣ. Но и здѣсь ристрастный анализъ долженъ при- и къ заключеніямъ тождественнымъ ышеизложеннымъ. Это мы постараемъ оказать въ слѣдующій разъ.

мы получили въ послѣднюю минуту пись- о волненіяхъ въ Новоалек- дрійскомъ селско-хозяйст- номъ и лѣсномъ институтѣ, ко- е сообщимъ въ слѣдующемъ №-рѣ. Какъ ь другихъ подобныхъ случаяхъ, причиной ьней были неаппыныя школьные порядки и актность начальства, въ данномъ случаѣ ьчителя Варшавскаго учебнаго округа, г. хтина. Между тѣмъ телеграфъ извѣщаетъ , что волненія имѣли послѣдствіемъ ис- ченіе изъ института 129 человекъ, изъ ыхъ 54 «съ тѣмъ, чтобъ впредь шку- не приходить». Напомнимъ, что за не-

давній рѣшительный бунтъ въ лицѣ Людо- вика В. въ Парижѣ только нѣсколько чело- вѣкъ было удалено изъ этого заведенія, — конечно, съ правомъ поступленія въ другія. Лишать подобнаго права молодого человека и въ голову не можетъ прійти цивилизован- нымъ людямъ.

Вдвойнѣ кстати будетъ сообщить, что екатеринославское земство въ послѣднюю сесію постановило ходатайство- вать, чтобъ поч. попечителямъ училищъ бы- ло представлено право протеста въ случаѣ исключенія учениковъ и чтобъ эти протесты разсматривались попечителемъ округа.

ИЗЪ ВАРШАВЫ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Въ числѣ достопримѣчательностей города Вар- шавы, безъ сомнѣнія, не послѣдняя г. Власов- скій, одинъ изъ помощниковъ дѣятельнаго оберъ- полиціймейстера. Каждый день можно видѣть, какъ онъ, въ сопровожденіи козака, разѣзжа- етъ по улицамъ, издавая отъ времени до вре- мени дикіе крики, которые обозначаютъ, что г. подполковнику что то прішлось не по вку- су. Благодаря ежедневнымъ столкновеніямъ съ хозяевами лавокъ и извозчиками, перекуп- камъ и дворниками, Власовскій пріобрѣлъ та- кую же извѣстность и популярность, какъ нѣ- когда Абрамовичъ или Треновъ. Поэтому не- удивительно, что когда въ концѣ прошлаго го- да распространилась по городу молва о томъ, какъ его козакъ былъ позорно обращенъ въ бѣгство бичемъ кучера Августа Потоцкаго, какъ самъ онъ ворвался въ домъ Потоцкаго и былъ оттуда вышвырнутъ рукой проворнаго гайдука, то извѣстія эти обрадовали сердца варшавянъ, которые заключили, что провидѣніе рѣшило, на- конецъ, освободить ихъ отъ сланикомъ ревностна- го охранителя общественнаго порядка. Но надеж- ды эти оказались тщетными, такъ какъ скандалъ (какъ и слѣдовало ожидать) вовсе не повлекъ за собою отставки г. Власовскаго. Черезъ нѣ- сколько дней послѣ этого приключенія онъ явил- ся на улицахъ со своей обычной свирѣпой физіо- номіей и съ неотлучнымъ козакомъ, а его дѣ- ятельность онъ чуть не утратила своей пре- жней энергіи.

Особенно вкусный плодъ этой дѣятельности созрѣлъ нѣсколько недѣль тому назадъ: имен- но г. Власовскій задумалъ въконцѣ уничто- жить въ Варшавѣ венерическія болѣзни—и вотъ какъ онъ принялся за дѣло.

Въ 1852 Административный Совѣтъ Царст- ва издалъ распоряженіе, чтобы полиція смот- рѣла за поведеніемъ рабочихъ на фабрикахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнила въ обязанности фабричнымъ хозяевамъ содѣйствовать въ этомъ полиціи; рабочница, заподозрѣнная въ про- ституціи, должна была подвергаться періоди- ческому медицинскому осмотру. Это немыс- ловатое въ теоріи, но совершенно неосущест- вимое распоряженіе отличалось тѣмъ хоро- шимъ качествомъ, что сейчасъ же было забы- то и вовсе не исполнилось. Оно снова вспы- ло на свѣтъ божій въ 1874 г., вслѣдствіе боль- шаго шума, который надѣлало тогда чрезмѣр- ное распространеніе венерическихъ болѣзней на табачной фабрикѣ Явница, гдѣ до пятидеся- ти рабочихъ оказались больными. Съ той по- ры ежедневно оберъ-полиціймейстеръ прино- миналъ в р е м е н и о м у врачебному полицій- скому комитету (существуетъ уже сланикомъ 40 лѣтъ) о возложенной на него обязанности пренятствовать распространенію венеричес- кихъ болѣзней между рабочницами посредст- вомъ мѣръ, указанныхъ въ распоряженіи Со- вѣта отъ 1852 года. Но обязанность эта все та- ки оставалась въ сферѣ обязанностей неис- полняемыхъ, такъ какъ временный врачебный комитетъ имѣлъ достаточно дохода отъ своихъ обычныхъ занятій и не нуждался въ новыхъ операціяхъ. Наконецъ, г. Власовскій вздумалъ приложить къ дѣлу благотѣльный замыселъ 1852 г. По его предложенію, оберъ-полицій-

мейстеръ издалъ строжайшее распоряженіе, чтобы фабричные хозяева, содержатели ресто- рановъ, швейныхъ магазиновъ и пр. четыре раза въ годъ представляли поручительства о правдивности своихъ рабочихъ; всѣ тѣ ра- ботницы, относительно которыхъ хозяинъ от- кажется дать поручительство, будутъ подвер- гаться медицинскому осмотру; если же работ- ница окажется больною, не смотря на пору- чительство хозяина, то этотъ послѣдній запла- титъ штрафъ. Эта нелѣпая мѣра, отдающая рабочницъ въ полное распоряженіе хозяевъ и полиціи, возбудила здѣсь всеобщее негодова- ніе, не только между рабочими, но и въ дру- гихъ сферахъ общества. Результатомъ его было то, въ одномъ большомъ ресторапѣ жен- скую прислугу смѣнили на мужскую, такъ какъ хозяйка его нехочетъ исполнять деликатной обя- занности, возложенной на нее заботливымъ на- чальствомъ. Можно ожидать, что этому послѣ- дуютъ другіе хозяева, а въ такомъ случаѣ ра- бочая плата женщинъ, уже и теперь низкая, еще понизится, и цѣлыя новыя легіоны дѣву- шекъ дѣйствительно будутъ поглощены про- ституціей.

Въ отвѣтъ на эту правительственную мѣру социально-революціонная группа «Пролетаріа тъ» издала прокламацію, въ которой она вызываетъ къ рабочимъ, дабы они силой защи- щали честь своихъ сестеръ и дочерей. Про- кламація заканчивается словами: «они жела- ютъ борьбы—и будутъ ее имѣть».

Послѣднія слова вызываютъ вопросъ, не сланкомъ ли «Пролетаріатъ» полагается на свои силы?—но крайней мѣрѣ до сихъ поръ борь- ба не началась. Но это первое виѣннее проявле- ніе дѣятельности «Пролетаріата» ужасно пе- ренормило полицію, которая хочетъ во что бы то ни стало открыть подпольную типогра- фію. Начались обыски и аресты; на социали- стовъ выпущена цѣлая стая шпионовъ, которые, пользуясь полною безнаказанностью, подъ раз- личными предлогами выманиваютъ у публики деньги, а на тѣхъ, которые не даютъ надувать себя, навлекаютъ обыски посредствомъ лож- наго доноса.

Особенно много обысковъ полиція сдѣлала на Прагѣ, дѣлая видъ, будто устраиваетъ обла- ву за ворами. Такой тактикой очень часто здѣсь пользуются, и поэтому публика всегда съ подозрѣніемъ относится къ этимъ облавамъ, полиціи и никогда не оказываетъ ей содѣй- ствія.

Впрочемъ, охранители общественнаго спо- койствія обыкновенно держатъ здѣсь ухо вост- ро, такъ какъ физіономія здѣшняго населенія всегда кажется имъ неблагонамѣренной. Г. Оржевскій, который въ прошломъ году изъ провинціального жандарма сдѣлался своего рода министромъ, имѣлъ обыкновеніе всегда докладывать генералъ-губернатору, что въ краю пропеходитъ броженіе умовъ. Черный же кабинетъ всегда у насъ дѣйствовалъ такъ усердно, что недавно биржевой комитетъ вынуж- денъ былъ сдѣлать заявленіе здѣшнему началь- нику почты, что дѣловыя письма, высылаемыя за- границу и опуценныя въ ящики на станціяхъ Варш.-Вѣнск. и Варшавско-Бромбергской жел. дорогъ, очень часто пропадаютъ. Начальникъ отвѣтилъ, что письма вѣроятно пропадаютъ вслѣдствіе неточности адресовъ. Неудоволь- ствованный этимъ, въ высшей степени напы- нымъ, отвѣтомъ, комитетъ обратился въ почто- вый департаментъ, который вслѣдствіе этого приказалъ завѣдывающему отдѣленіемъ пере- возки простой корреспонденціи по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы тотъ смотрѣлъ за правиль- ностью пересылки. Вѣроятно, биржевой коми- тетъ долженъ былъ употребить нѣкоторое усиліе, чтобы у него не сорвалось съ языка замѣчаніе: «Полно-те, господа, разыгрывать комедію; не сегодня мы съ вами познкоми- лись и знаемъ васъ отлично. Ужъ вы лучше вмѣсто этихъ церемоній постарайтесь, чтобы шпионы, расшечатавъ и прочитавъ письмо, по- трудились опять зашечатавъ его и отправить дальше».

Перехожу къ другимъ дѣламъ.

Успіія правительства, окрѣпая цѣлью об- русеніе «Привилегіальной Окраины», все воз- растаютъ. Говорятъ, что въ Пѣтровской губ.

его агенты уговаривают крестьян переселиться в Восточную Россию*); «возсоединенных» униатов еще усерднее стали удерживать в православии административным порядком. В дѣлѣ народнаго просвѣщенія правительство проводит систему обрусенія весьма прилежно. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года министр народнаго просвѣщенія особымъ указомъ разрѣшилъ частнымъ лицамъ заниматься начальнымъ образованіемъ по деревнямъ. Этотъ указъ вызвалъ большую радость въ здѣшней прессѣ, но радость эта оказалась слишкомъ преждевременною, такъ какъ указа этого не только къ Царству Польскому не примѣнили, но напротивъ еще больше стали смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ начальныхъ училищахъ (гдѣ обученіе производится на непонятномъ для дѣтей русскомъ языкѣ и гдѣ вовсе польской грамотѣ не учатъ) никто не обучалъ крестьянскихъ дѣтей. Этотъ ревностный надзоръ принялъ такіе размѣры, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всѣ лица, тайно занимающіеся обученіемъ грамотѣ, должны были оставить свое занятіе.

Съ другой стороны, попечитель варшавскаго учебнаго округа, Анухтинъ, дѣятельно занимается гоненіемъ польскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. О его ненависти къ этому языку разсказываютъ множество анекдотовъ; самый цовый изъ нихъ гласитъ, что Анухтинъ запретилъ проводить телефонныя проволоки надъ зданіемъ третьей гимназіи, узнавъ, что въ телефонъ можно говорить и на польскомъ языкѣ. Въ концѣ прошлаго года, по его распоряженію, преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ приняло весьма оригинальную форму: оно состояло въ переводѣ съ польскаго языка на русскій, причемъ всякія объясненія дѣлаются по-русски. Онъ же ввелъ новую хрестоматію Дубровскаго, книгу весьма глупую и при томъ написанную такимъ сквернымъ языкомъ, что врядъ ли что либо подобное печаталось со времени Гуттенберга.

Въ виду этихъ реформъ нѣкоторые учителя польскаго языка вышли въ отставку. Съ новаго года Анухтинъ сталъ примѣнять свои анти-польскія нововведенія и къ частнымъ школамъ.

Чтобы охарактеризовать нравственные взгляды здѣшнихъ просвѣтителей юношества и ихъ отношенія къ воспитанникамъ, я приведу одинъ фактъ, совершившійся недавно въ Маріампольской гимназіи.

Ученикъ VIII класса, Яроцкій, сдѣлалъ доносъ на кого то, что тотъ расписывалъ въ банкъ запрещенныя пѣсни. Товарищи его, узнавъ объ этомъ, рѣшились обратиться къ начальству съ просьбой удалить изъ ихъ среды доносчика, но директоръ, Серно-Соловьевичъ, объявилъ, что скорѣе всѣ будутъ исключены, чѣмъ одинъ Яроцкій. Велѣдъ затѣмъ классный наставникъ VIII класса, г. Писорскій, который и своей нравственностью, и своимъ убѣжденіемъ снискалъ себѣ наибольшее довѣріе и одобреніе какъ своего начальства, такъ и жандармовъ, велѣлъ во время урока каждому ученику подходить къ Яроцкому и подавать ему руку. Нѣкоторые съ плачемъ исполняли это приказаніе, а трое объявили, что они не только не подадутъ доносчику руки, но заявляютъ, что презираютъ его. Такое отвращеніе молодыхъ людей къ доносамъ (чувство это, вѣроятно, чуждо благороднымъ сердцахъ Анухтина, Серно-Соловьевича и Писорскаго) показало начальству, съ одной стороны, знакомъ правдивой порчи, съ другой же — опаснымъ для общества и государства, а поэтому одинъ изъ отказавшихся былъ исключенъ, остальнымъ же, по распоряженію Анухтина, выставлена дурная отмѣтка въ поведеніи, съ лишеніемъ ихъ права получить въ этомъ году аттестатъ зрѣлости.

Польша.

* Мы въ этомъ сомнѣваемся, — да «обрусенію» нѣтъ въ этомъ никакой выгоды. Нѣтъ ли мѣстныхъ аграрныхъ причинъ появленія мысли о такомъ переселеніи? (Ред.)

Польское социально-революціонное общество „Пролетаріатъ“ занимаетъ видное мѣсто въ вышеприведенной корреспонденціи, а потому требуется, чтобы мы сказали о немъ нѣсколько словъ для читателей, которые не видятъ польскихъ заграничныхъ газетъ. Но прежде дополнимъ свѣдѣнія нашего корреспондента о судьбѣ варшавскаго полицейскаго распоряженія. Когда „Пролетаріатъ“ указалъ на него пальцемъ, нелѣпость его стала очевидна. О немъ неодобрительно высказались даже русскія газеты (Русь). Распоряженіе было взято назадъ. Тогда „Пролетаріатъ“ издалъ новую прокламацію, которую находимъ, между прочимъ, въ львовской рабочей газетѣ „Praca“:

«Комитетъ социально-революціонный поднимаетъ „Пролетаріатъ“. — Братья и сестры! Наши угрозы достигли цѣли; полиція не смѣетъ исполнять гнуснаго распоряженія, которое хотѣло сдѣлать изъ нашихъ сестеръ, жепъ и дочерей уличныхъ проститутокъ. Намъ бояться, такъ какъ не знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Арестовано 46 человекъ, а изъ нихъ ни одинъ не знаетъ о комитетѣ. Ихъ заковываютъ въ цитадели, а нѣкоторыхъ даже пытаются. Это невинныя жертвы, о которыхъ надо намъ позаботиться, хотя бы только до кровопролитія. Братья и граждане будьте готовы на каждый сигналъ, хотя бы намъ было зарево пожара и звукъ бомбы. Долой полицію, долой паразитовъ, которые высасываютъ нашу кровь и трудъ. Соединимся со всѣми братьями социалистами въ Россіи: то наши братья сердечные, наши образцы для подражанія. Рекомендуемъ блюдительность, горячность и смѣлость. — Комитетъ исполнителный въ Варшавѣ».

«Пролетаріатъ» уже третья польская социалистическая группа, которая заявляетъ о себѣ въ послѣдніе годы. Первая изъ нихъ была «польскіе социалисты», которые представлялись газетой «Równość». Въ прошломъ году появилось общество «Люди Польскіи». Они оказались не согласными между собою по вопросу національно-политическому. Назвавшись «польскими социалистами» и держа идеи болѣе или менѣе близкія къ идеямъ Марковской фракціи Интернаціонала и нѣмецкихъ социаль-демократовъ, признающихъ основой своей программы народное государство нѣмецкой націи, группа Równość должна была точно опредѣлить поле своей дѣятельности — польскую національную территорію, основу польскаго народнаго государства. Этому она не сдѣлала, опасаясь затронуть вопросъ о раздѣлѣ области стараго польскаго государства между національностями, ее населяющими, и признать отдѣльность не-польскихъ народовъ (литвиновъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ); поэтому Równość предпочла скрыть этотъ весьма реальный вопросъ за абстрактными и неясными фразами интернаціональнаго характера, не переставая, однакожъ, называться органомъ «польскихъ социалистовъ». Но когда Równość довела свой интернаціонализмъ до отрицательнаго отношенія къ прежнимъ національно-польскимъ возстаніямъ, она вызвала себѣ реакцію въ новомъ обществѣ «Lud Polski», которое отнеслось столь же уклончиво къ вопросу о не-польскихъ народахъ старой Польши и во всякомъ случаѣ побоялось сказать ясно, что признаетъ основой своей

дѣятельности только Польшу этнографическую, однакожъ, вполне ясно вышло при социализмѣ и польское національное знамя. «Równość», не пожелавъ ста на основу реально-національную, сослалась на основу государственную, — иначе сказать, не согласившись признать раздѣлъ исторической Польши между ея народами, согласилась признать раздѣлъ и реальной, этнографической Польши между государствами: Германией, Россіей и Австріей. Издавъ прокламацію въ пользу выбора въ Познаніи депутата нѣмца Бебеля (который, замѣтимъ, самъ въ этой провинціи своей кандидатуры не ставилъ и едва ли получилъ тамъ хоть одинъ голосъ), группа «Równość» обратилась къ воззваніемъ къ «русскимъ социалистамъ-революционерамъ», и, какъ нарочно, не ставилъ къ социалистической, сколько политическимъ фракціи, къ народолюбцамъ, съ предложеніемъ принять ее въ свои ряды. Это значило подковать самый смыслъ существованія своего, какъ польской группы. И въ тѣхъ поръ дѣйствительно мы ничего не слышимъ о группѣ «Równość». «Lud Polski» больше даетъ себя знать, — и какъ быть можетъ, при нѣкоторомъ благоуміи, не будетъ путать понятія и дѣйствія своихъ адептовъ въ краяхъ собственно не-польскихъ, напр., Восточная Галиція, гдѣ нѣсколько времени назадъ нѣкоторые лица, съ нами, подходящими къ программѣ «L. P.», такъ успѣли надѣлать порядочной путаницы. «Пролетаріатъ», если судить о немъ по его программѣ, напечатанной въ 4 №-рѣ «Pracownik», занимаетъ мѣсто среднее между прессой «Równość» и «Lud P.». Онъ стремится къ основанію «социалистическаго государства» (soc. państwo). О предѣлахъ этого государства «Пролетаріатъ» не говоритъ, но такъ какъ его программа говоритъ о «пролетаріатѣ польскомъ», то должно думать, что не имѣетъ въ виду «социалистическое государство» — польское. Во всѣхъ другихъ случаяхъ напередъ слѣдовало бы думать, что государство это предполагается въ границахъ географическихъ, массоваго польскаго населенія, но польскія программы такъ привыкли къ общности ихъ національно-политическихъ опредѣленій въ подобныхъ случаяхъ, что мы и на этотъ разъ подождемъ точныхъ указаній самого «Пролетаріата». Во всякомъ случаѣ «Пролетаріатъ» обещаетъ въ своемъ «социалистическомъ государствѣ» — «полную равноправность національностей и національностей», — очевидно не-польскихъ. Относительно теперешняго «царя», т. е. императорства русскаго, «Пролетаріатъ», конечно, предполагаетъ всенародную борьбу, думая, впрочемъ, вести ее и со своимъ «правительствомъ какой бы то ни было народности», пока не получитъ желанной свободы. Относительно устройства своего «Пролетаріатъ» является довольно демократическимъ. За общество выступаютъ «демократическіе», который говоритъ о себѣ, что не политическими обстоятельствами принужденъ дѣйствовать тайно, но въ моментъ дѣйствія выступитъ, какъ представитель и защитникъ оборонитель пролетаріата».

Первый практический выступъ комитетъ оказался для него удачнымъ, — хотя, конечно, крайняя глупость варшавской полиціи сдѣ

облегчила ему эту удачу. Во всяком случае удача в политической борьбе — среди впечатлительного населения — темнее. По всему видно, что «Пролетариат» идет вперед с собою будущность. Интересно, что первая битва этого социально-революционного общества состоялась не на политическом-экономическом, а политическом. Это такая же фальшьность с польскими социалистами, какал чилась и с русскими. Да «Пролетариат» своей второй прокламации объявляет, что друзьями и братьями последились. А узнала на политическое поле, да еще и не исключительно польское, а всероссийское, — «Пролетариат» оказывается перед сложными политическими вопросами о переустройстве (если не о раздвигании) России, о роли и месте в этом переустройстве (или раздвигании) Польши и других областей и т. д. На все эти вопросы не даст ответов пока написанная программа «Пролетариата», ни же в ее слишком общем пункте, говорящем о «полном самоуправлении групп политических». Важным вопросом при политической борьбе, на которую вступают «Пролетариат», является вопрос и отношения к другим общественным ментам, — польским и не-польским, — которые тоже рады бороться с «царством», не согласны на «социалистическое государство», по плану «Пролетариата», или не имеют теперь возможности его осуществления. — От души желаем, чтобы все эти и подобные вопросы были обдуманы «Пролетариатом» глубоко, всесторонне и честно.

САМОДЕРЖАВИЕ И ОСКУДНЕНИЕ.

(Голос из провинции).

Проявившиеся в последние годы разные признаки противуправительственного брожения образованных и даже в низших массах населения, плачевное состояние финансов и ряд других «удовольствий», — до «пророка» включительно, — растревожили было российское самодержавие и заставили его прибегать не только к мерам самосохранения, но и к аргументам самооправдания. Защитники самодержавия стараются доказать его происхождение над конституционным правлением. Интересы неограниченного правительства, говорят они, тождественны с интересами народных масс. По этому, при помощи правительства возможно-де быстрое и непосредственное разрешение всех вопросов внутренней и внешней политики, тогда как конституционных государствах всякий раз только нибудь крупный правительственный акт является результатом или победой одной из партий, случайно приобретшей большинство голосов в парламенте, или compromise между партиями, что замедляет работу правительственного механизма, порождает полу-меры, а иногда приводит к революциям, прямо противным благу народа. Подобно с таким толкованием, защитники самодержавия заявляют, что политика ограниченного правительства, имея предметом деятельность на пользу масс, должна называться народной политикой — противоположность политике партий. Вот для оправдания на деле этого учения

устраиваются «комиссии», к которым (чтобы оградить их от всеобщего осуждения — так как несостоятельность чиновничьих комиссий весьма хорошо известна) присоединяют и сведущих людей из земства... по назначению от правительства. Комиссии эти должны были обсуждать питейный вопрос, выкуп, выкупные платежи, вопрос о переселениях и реформу внутреннего управления.

Посмотрим же, что вышло из правительственной затей — произвести широкую экономическую и административную реформу в смысле новой политики.

Питейный вопрос провалился. Оказалось, что органы всевышнего правительства не в силах остановить беззастенчивой продажи водки. Действительно, можно сокращать сколько угодно число питейных заведений, преобразовывать их на все лады и придумывать для них панхитрийские регламенты, но настоящего уменьшения числа кабаков не будет, пока существует беззастенчивая продажа водки, а прекратить ее нет возможности при сохранении тех учреждений, которые частью были изображены нами в статье «Политика и экономия в уезде юго-западного края» (49 и 50 №№ «Вольного Слова»). Это было вполне ясно всем живущим в провинции, — только не правительству и не некоторым из сведущих людей, назначенных им в комиссии. Остальные же сведущие люди, знавшие наперед судьбу питейного вопроса, не заявили сразу о бесполезности всяких разговоров на эту тему, впрочем, потому, что усматривали в новом начале обсуждения дела, провозглашенном Игнатьевым, некоторый приступ к иному порядку вещей. Увы! надежды их не оправдались, и все это дело окончилось комедией.

В переселенческом вопросе, торжественно признанном одним из важнейших государственных вопросов, комиссия ограничилась изобретением особого паспорта (переселенческое свидетельство), чтобы при помощи его обойти наши преступные внутренние порядки, прямое нарушение которых, видите ли, нежелательно и невозможно, — и еще, если не ошибаемся, назначением штатов для переселенческих контор. Приметом для устройства этих контор послужила Америка. Не знаем, взята ли оттуда суть дела, но форма, т. е. штаты, заимствованы несомненно.

Выкупные платежи для некоторой части России уменьшены на один рубль с души в то время, когда пуды возросли — как мы увидим ниже — чуть ли не на десять рублей на ту же душу. Кроме того, как о том единогласно свидетельствуют крестьяне, уменьшение выкупных платежей, вместо рубля, вышло на деле только по 50 коп. на душу. Подушные подати пока уничтожены только для безземельных крестьян, присланных к волостям, т. е. для тех, которые живут большей частью вне территории волостей и, имея на стороне разные постоянные занятия, меньше других нуждаются. С будущего года предполагается уничтожение подушных для состоящих на даровом четвертном наделе и, кажется, для безземельных, присланных к селам, т. е.

для бывших дворовых людей. Но есть еще разряд безземельных, лишившихся земли уже после надела, — вследствие семейных раздвигов и отдвигов женатых сыновей от общей семьи, решениями волостных судов или сельских сходов, как это практиковалось прежде, и пр. Распоряжение правительства будет иметь в виду, конечно, только первый разряд безземельных. Зато, когда настанет время уничтожения подушных для имеющих землю, второй разряд безземельных окажется пропущенным. По крайней мере, судя по бывшим примерам, этого вполне можно ожидать. Ведь пропустил же Маковецкую Малороссию, когда писал известный свой циркуляр о помощи семействам солдат, находящихся на войне! А опь ли не был усердный и кропотливый канцелярист.

Когда, в полном разгаре работ по вопросу о переселениях, сведущие люди комиссии заявили, что они недостаточно знакомы с делом и что им необходимо навести справки на месте (может быть, заявление это было следствием более близкого ознакомления сведущих людей с истинными условиями правительственного комитета), то, чтобы покончить с пепужной уже более правительству комедией, Кахановскую комиссию, назначенную для разработки проекта реформы внутреннего управления, составили уже из одних чиновников. Работал около двух лет, она еще ничего не сделала, — да можно было бы утверждать, что ничего путного и не делается — разве сочинить какую нибудь новую чиновническую фантазмагорію!

В довершение всей лихорадочной деятельности правительства в области народного хозяйства, которую, по всей справедливости, нужно назвать комедией, — начинателя этой комедии, Игнатьева, прогнали. Со злобы он написал книжку: «Черный передел реформ Александра II», где обругал Толстого, превознес самого себя и, чтобы не устали, что книжку писал опь, хитрый восточный человек пасмелялся в ней над своим отцом.

Еще раньше назначения комиссий, силой одной самодержавной воли, был сложен акциз с соли. Сделано это было столь же быстро, сколь и несомнительно. Прежде всех уничтожением акциза воспользовалось несколько монополистов, утвердивших правительство, что соль, уже оплаченная акцизом и лежащая в складах, распродается вся, как только сделают ее безакцизной. Правительство повредило и возвратило монополистам 2 1/2 миллиона рублей. Затем казна лишилась двенадцати миллионов рублей в год, из которых только восемь (т. е. по 20 коп. на пуд соли) пошло в пользу потребителей, а четыре миллиона (по 10 коп. с пуда) поступило в кассы монополистов, так как по уничтожении акциза, составленного 30 коп. на пуд, соль подешевела всего на 20 коп. и только теперь в некоторых местностях понижение цены на соль начинает доходить до 30 коп. на пуд. Казна, таким образом, потеряла двенадцать миллионов рублей в год, которые нужно же откуда нибудь взять; и лишилась она их без всякой ощутительной пользы для народа и скотоводства. Да иначе и быть не могло. Удешевление соли

сокращает ежегодный расход крестьянина на каких-нибудь 15 копеек (считая на него в год 20 фунтов соли), т. е. на такую ничтожную сумму, о которой не стоит и говорить — особенно в виду того обстоятельства, что одной водки у нас выпивается в год не менее 3 руб. на душу. Что же касается скотоводства, то оно у нас падает вовсе не вследствие дороговизны соли, а потому не может также и развиваться от уменьшения расходов на соль копеек на 15 или 20 на каждую голову крупного скота.

Сказанное нами есть общее мнение всех опытных земских людей, которые с самого начала ровно ничего не ждали от работ комиссий. Ввели в комиссию только один своеобразный «пародикс». Земства также не представили в Кахановскую комиссию сколько-нибудь споспых проектов по реформе внутреннего управления, так как никому не было охоты работать на императорских чиновников и за их упрочение. Отчасти по той же самой причине люди земские чуждались и ревизоров-сенаторов.

Когда комедия со свѣдущими людьми окончилась и затих шум торжественных рѣчей, дѣло приняло болѣе скромную форму, хотя и не пошло отъ того успѣшнѣй. Много лѣтъ уже разсматривается вопросъ о чиншевникахъ въ западномъ краѣ и только теперь къ нему начинаютъ приступать нѣсколько болѣе рѣшительно. Судя по тому, что писалось объ этомъ въ газетахъ, нужно думать, что дѣло окончится падѣломъ лишь ничтожнаго числа изъ всей массы людей, обдѣленныхъ землей.

Изъ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянамъ слѣдуетъ еще упомянуть объ организаціи кредита для крестьянъ съ цѣлью облегченія имъ покупки земель. Впрочемъ, и эта мѣра — мѣра изолированная, не представляющая прочной связи съ общимъ положеніемъ земледѣлія, о которомъ правительство не имѣетъ никакого понятія. Проведенная разумно и съ соблюденіемъ этой связи, она принесла бы, конечно, большую пользу.

Вообще результатъ былъ тотъ, что въ новой своей демонстративной политикѣ, названной имъ народной, правительство, даже при содѣйствіи назначенныхъ въ комиссіи свѣдущихъ людей, оказалось беспомощнымъ и потерѣло политическое фіаско. Приписываемъ это настолько же режиму самодержавія, насколько и невѣжеству личностей, стоящихъ у кормила правленія.

Множество неопровержимыхъ фактовъ ясно показываютъ, что масса населенія обдѣлена, вопреки освобожденію крестьянъ, падѣлу ихъ земель и всякими будто бы «либеральными» учрежденіями — судебнымъ, земскимъ и крестьянскимъ. Это открытіе произвело всеобщее недоумѣніе. Печать и интеллигенція бросались вѣсело, чтобы отыскать причины столь неожиданнаго явленія. Начались толки о нѣпистѣ народа, о кулакахъ, занявшихъ крѣпкую позицію въ кабакѣ, о пеносильныхъ денежныхъ новшествахъ и дороговизнѣ соли (по поводу чего была составлена нѣкая приличная случаю теорія), о недостаткахъ внутреннего управленія, объ увеличеніи населенія и вызванныхъ имъ малоземельемъ и необходимости переселеній и пр.

и пр. Серьезные земские люди, не причастные ни къ официальному земскому управленію, ни къ печати, хорошо знали, что вопросъ былъ затронутъ слишкомъ поверхностно, что говорилось много вздору и мало дѣла и что о дѣйствительныхъ причинахъ обдѣленія упоминалось лишь кое гдѣ, да и то какъ бы въ скобкахъ. Такіе земские люди не имѣли своего органа, а печать была терроризирована съ двухъ сторонъ: правительствомъ и направленіемъ, господствующимъ въ столицахъ, гдѣ люди, ничего общаго съ землею не имѣвшие, не давали никакого хода мыслямъ, не нападавшимъ въ ихъ тонъ.

Не входя здѣсь въ разборъ всехъ многочисленныхъ причинъ обдѣленія, мы ограничимся только указаніями на самыя главные изъ нихъ — на тѣ, которыя извѣстны всякому сколько-нибудь свѣдущему и опытному земскому человеку.

Такъ, хлѣбъ сдѣлался дороже, нежели лѣтъ двадцать тому назадъ, что значительно понизило благосостояніе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, живущихъ на покупномъ хлѣбѣ или прикупающихъ хлѣбъ сверхъ получаемого со своихъ падѣловъ. Полагая среднимъ числомъ по 20 пудъ зерна на душу въ годъ и сравнивши теперешнія цѣны на зерно съ тѣми, которыя были лѣтъ 15 тому назадъ, можно получить понятіе о томъ, насколько теперь требуется больше денегъ только на этотъ важный предметъ потребленія. Въ Малороссіи пудъ ржи 15 лѣтъ тому назадъ стоилъ не болѣе 30 и 35 коп., а теперь онъ стоитъ копейскъ 40 и 50: среднее новышеніе составляетъ, стало быть, около 10 коп. на пудъ, что въ годъ (считая по 20 пудъ ржи) составитъ на душу среднюю разницу въ 2 рубля — и цифра эта скорѣй ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Покупающіе хлѣбъ сверхъ того количества, которое сами производятъ, несутъ добавочный расходъ. За этимъ слѣдуетъ разрядъ земледѣльцевъ, довольствующихся собственнымъ хлѣбомъ и потому не ощущающихъ на себѣ его дороговизны, и, наконецъ, еще третій разрядъ — имѣющихъ, за удовлетвореніемъ домашнихъ потребностей, избытокъ хлѣба, который они могутъ продавать.

Какъ велико число тѣхъ, другихъ и третьихъ — на этотъ счетъ не имѣетъ никакихъ статистическихъ чиселъ, что, между прочимъ, не даетъ возможности и проверить теорію выгоды для крестьянъ дороговизны хлѣба, защищаемую Катковымъ. Нѣкоторыя данныя говорить не въ пользу этой теоріи. Большая часть нашего вывознаго хлѣба принадлежитъ крупнымъ заможкамъ, т. е. преобладающимъ разрядъ крестьянскаго падѣла. Объ этомъ не можетъ быть спору, ибо извѣстно количество продаваемого крестьянами хлѣба на душу населенія въ лучшихъ, по земледѣльческой производительности, мѣстностяхъ, напр., въ Киевской и Подольской губерніяхъ, гдѣ средній урожай составляетъ самъ $5\frac{3}{8}$ — цифра, опредѣленная и проверенная многолѣтними наблюденіями. При такомъ урожаѣ, продаваемого крестьянами хлѣба приходится на душу среднимъ числомъ по 14 пудъ въ годъ. Въ Россіи немного, конечно, губерній, гдѣ крестьяне продавали бы столько хлѣба. Сколько же послѣ этого продается его крестьянами въ нечерноземной

полосѣ, гдѣ урожай самъ 3 и ниже? Если сдѣлаемъ ошибку, предположивъ, что не менее одной трети крестьянскаго падѣла должно прикупать хлѣбъ на свое продовольствіе. Поэтому хлѣбъ, соразмѣрно количеству его, прикупаемому крестьянами, и выпадаетъ въ цѣвѣ за послѣдніе пять лѣтъ.

Топливо, прежде ничего не стоявшее населенію, теперь можно получать только за деньги, и оно постоянно дорожаетъ. Напр., въ Смоленской, одной изъ наиболѣе дешевыхъ губерній, топливо обходится около трехъ болѣе рублей въ годъ на избу, а въ западной черноземной полосѣ его нужно въ крайней мѣрѣ до 20 руб. на хату для тѣхъ у кого нѣтъ земли, и нѣсколько меньше для тѣхъ, которые имѣютъ падѣлъ не полны или же на полномъ падѣлѣ имѣютъ двѣ ч. Освѣщеніе, не стоявшее прежде ни о чемъ, кромѣ заготовленія лучины или коровьяго сала, теперь, когда стали за нефть, обходится уже до одного рубля на лѣ въ годъ на избу. Кожа вздорожала въ части по случаю уменьшенія скотоводства: саногн теперь стоятъ — въбѣсто 3 и 4 р. — какъ это было лѣтъ 12 тому назадъ — вдвое дороже, до 7 и 8 р., что весьма существенно для всей безплатной черноземной Россіи. Верхняя одежда, изготовляемая крестьянами на югѣ, напр. свиты, вздорожала вдвое. Какъ по этой части на северѣ — не знаемъ. Церковныя требы вздорожали. Акцизы съ водки подняты въ послѣднее время съ 6 до 8 коп. за градусъ. Дерево и постройки и разныхъ хозяйственныхъ вещей вздорожало болѣе, чѣмъ вдвое. Венскія деревенныя повинности увеличились. Не дѣлая никакого разсчета — вследствие большой разницы въ соответственныхъ цифрахъ для разныхъ мѣстностей Россіи и непригодности къ этому среднихъ числовыхъ выводовъ — можно, однако, положить безъ всякаго преувеличенія, что нужды крестьянъ за послѣдніе лѣтъ увеличились рублемъ до 10 на душу. Вотъ почему уменьшеніе выкушенныхъ акцизовъ и пониженіе акциза на соль, составляющія въбѣстѣ всего по 65 коп. на душу, дали никакого ощутительнаго результата.

И такъ, нужды увеличились. Посмотримъ теперь, произошло ли соответственное уменьшеніе и средствъ населенія.

Средства эти заключаются въ заработной платѣ и земледѣліи. Фабричная промышленность, правда, сдѣлала успѣхи, но такъ какъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ не выпадаетъ у насъ милліона душъ *) — копѣйка прокармливаетъ приблизительно двѣ доли нерабочихъ рукъ — чему и слѣдуетъ быть по извѣстному закону отношенія рабочихъ къ нерабочимъ въ населеніи — то это такъ ничтожно въ сравненіи со всемъ земледѣльческимъ населеніемъ, что оно и въ разсчетъ не можетъ быть приносимо. Разъ вопросъ заходить о массѣ. Приблизительно еще нѣсколько милліоновъ, напр. полтора или четыре, людей свободныхъ профессій, ремесленниковъ, купцовъ и мѣщанъ, — а прочіе, составляющіе большинство, исключительно занятые земледѣліемъ. Отсюда ясно первостепенное

*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ собраннаго при министерствѣ финансовъ.

ное значение земледѣлія въ экономической жизни Россіи, которое у насъ признается и правительствомъ, но только на словахъ, а не на дѣлѣ.

Кромѣ фабричной промышленности, у крестьянъ есть и другіе заработки, изъ которыхъ наибольшіе — заработки въ томъ или другомъ видѣ на земляхъ помѣщиковъ и извозъ. Но эти два рода заработковъ, да и всѣ прочіе, прямо или косвенно сопрягающіеся съ земледѣліемъ — зависятъ отъ урожая: они больше при хорошемъ и меньше при плохомъ урожаѣ. Что же касается собственно земледѣльческой заработной платы, то она возвысилась только тамъ, гдѣ помѣщичье хозяйство сдѣлало успѣхи; но такъ какъ послѣднее обстоятельство случилось лишь въ немногихъ мѣстностяхъ Россіи, то значительнаго и общаго увеличенія быть не могло. Гдѣ крестьяне арендуютъ земли помѣщиковъ, тамъ выигрываютъ чаще былъ не на сторонѣ массы, но единичныхъ личностей, и матеріальное положеніе крестьянъ зависѣло во всякомъ случаѣ отъ того, пользовались ли ихъ пуждою землевладѣльцы для постояннаго возвышенія арендной платы, или нѣтъ. Извозъ же уменьшился по случаю проведенія желѣзныхъ дорогъ. Слѣдовательно, и съ этой стороны средства крестьянъ не могли, вообще говоря, увеличиться, особенно если взять въ расчетъ и постепенное истощеніе почвеннаго богатства при первобытномъ, хищническомъ хозяйствѣ, какъ на земляхъ помѣщиковъ, занимающихъ крестьянъ, такъ и на земляхъ послѣднихъ.

Земледѣліе доставляетъ населенію несравненно больше средствъ существованія, чѣмъ заработки. Это ясно уже изъ того, что оно даетъ крестьянамъ все продовольствіе, мѣсто для устройства жилищъ и даже часть матеріала для построекъ, напр., солому для крышъ; далѣе возможность получать нѣкоторые косвенные доходы, напр., отъ приплода вьючнаго скота, отъ птицъ и откармливанія свиней, и — въ черноземной полосѣ — почти всю одежду и топливо (солома, кизякъ) — словомъ, все то, что можно производить въ каждой данной мѣстности въ предѣлахъ своей собственности, имѣя свой уголь и клочекъ земли.

И это то земледѣліе, составляющее фондъ нашего народнаго богатства, главный источникъ средствъ существованія для громаднаго большинства населенія, находится у насъ въ состояніи если не безнадежномъ, то крайне печальномъ. Оно уже не даетъ теперь того, что давало прежде. Земли въ большой или меньшей степени истощены. Старая почвенная сила на сѣверѣ израсходована; лѣсоподѣльному хозяйству хотя и даютъ мѣстами хорошіе урожаи, но уже далеко не тѣ, которые были хоть бы въ началѣ XVII ст. (1616—1621 г.), когда, по словамъ австрійскаго посла Герберштейна, правдиваго автора «Записокъ о Московіи», во Владимірѣ (область) одна мѣра пшеницы давала 20 и 30 мѣръ; когда такой городъ, какъ Смоленскъ, былъ «окруженъ плодородными холмами», а область смоленская и другія московскія области имѣли «очень плодородныя земли». Теперь же на «плодородныхъ холмахъ», окружающихъ Смоленскъ, за всѣ 13 десятинъ земли надѣла, — какъ мнѣ расска-

зывалъ одинъ крестьянинъ изъ тѣхъ мѣстъ, — никто не хочетъ дать и 3 рублей въ годъ, а во Владимірской губерніи едва ли сѣютъ пшеницу, развѣ въ небольшомъ количествѣ и по сильному удобренію. Лѣсоподѣльному хозяйству вслѣдствіе умноженія населенія, вообще говоря, приходитъ конецъ, и пужо уже обращаться къ трехполью на постоянныхъ мѣстахъ. При недостаткѣ скота, земли эти были быстро выпаханы, и теперь остается перейти къ посѣву травъ, т. е. измѣнить весь строй хозяйства, на что, помимо другихъ препятствій, не имѣется и средствъ.

«Земля плохо родить», — таковъ общій голосъ населенія, и въ этомъ же заключается причина «бѣгства отъ земли» и поисковъ новыхъ, непочатыхъ земель, — конечно, въ связи съ высокими денежными повинностями и правительственной онекой. Однако, при всемъ томъ положеніе въ лѣсной пестерно-земной полосѣ еще не отчаянное. Здѣсь весь вопросъ заключается въ средствахъ для перехода къ новому хозяйственному строю: лѣсовъ еще довольно, воды достаточно, влаги атмосферной тоже, а науку сельскаго хозяйства, т. е. систему земледѣлія, можно съ небольшими измѣненіями взять изъ Германіи, ибо климатъ и почва у насъ подходящія. Дѣло другое въ черноземной полосѣ, гдѣ лѣсовъ очень мало, влаги много меньше, населеніе гуще, и земель по этому не такъ много, такъ что ощущается недостатокъ въ насажденіяхъ, и гдѣ трудно образовать навозъ вслѣдствіе того, что солому употребляютъ на крыши строеній и для топлива. Въ черноземной полосѣ, особенно въ болѣе южной части до границы степей, климатъ «испорченъ», въ чемъ удостовѣряютъ и метеорологическія наблюденія *); солома изъ года въ годъ дорожаетъ, мѣстами се уже не достаетъ для топлива. Слѣдовательно, тутъ объ удобреніи и думать нечего.

Въ черноземной полосѣ, гдѣ климатъ сухой, наука (германская) сельскаго хозяйства, можно, сказать, безцѣльна. Здѣсь, особенно въ южной части, придется создавать свои системы хозяйства, во многомъ отличающіяся отъ германскихъ. Въ самой степи уже дѣлаются попытки уничтожить даже спонтъ и по этому случаю видоизмѣняютъ весь процессъ, начинающійся уборкой хлѣба и оканчивающійся сдачей его купцу.

Въ послѣднее время на черноземную полосу съ юга стали надвигаться массы вредныхъ насекомыхъ, истребляющихъ хлѣбъ, что, вмѣстѣ съ оскуднѣемъ воды, заставляетъ думать, что измѣненіе естественныхъ условій растительности, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, готовитъ въ будущемъ еще большія бѣдствія. Оскуднѣе воды доказывается, — кромѣ уменьшенія ея количества во всѣхъ рѣкахъ, — и уменьшеніемъ числа запрудъ. Указаніемъ на это обстоятельство служитъ также неповрежденность плотинъ. О запрудахъ собирались свѣдѣнія въ Киевской губерніи въ 1873 году, по ихъ куда то забросили, какъ неважныя, — должно быть потому, что они не подлежали представленію министрамъ (такими пустяками администрація пре-

*) Докладъ Одесской уѣздной управы, помѣщенный въ Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи за іюль — августъ 1875 г., стр. 16—18.

доставляетъ обыкновенно заниматься ученымъ). Въ довершеніе всего голодъ то въ той, то въ другой части Россіи, ставши явленіемъ хроническимъ, дѣлаетъ слишкомъ ясныя намеки на состояніе почвы и климата нашей равнины. У земскихъ людей не остается больше никакого сомнѣнія въ томъ, что мы получаемъ теперь меньшіе урожаи, чѣмъ прежде, хотя много увеличили распаханную площадь. Вмѣсто того, чтобы пойти въ глубину и хозяйничать интенсивно, мы пошли въ ширь и дѣйствуемъ экстенсивно. Мы увеличили нашъ вывозъ хлѣба на счетъ распаханыхъ степей, пастбищъ, сѣнокосовъ, выгоновъ, луговъ. Въ Киевской и Подольской губерніяхъ крестьяне распахали, кромѣ другихъ земель, всѣ свои дополнительные надѣлы, которые предназначались подъ сѣнокосъ. А такіе надѣлы составляютъ приблизительно $\frac{2}{3}$ всей пахатной крестьянской земли. Нашъ извѣстный южный сельскій хозяинъ, г. Умисса, говоритъ, что въ степяхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ средніе урожаи были самъ 7, а теперь они только самъ $3\frac{1}{2}$. Послѣдняя цифра и официально считается среднимъ урожаемъ для цѣлой Россіи. Скажутъ, можетъ быть, что она, какъ всѣ цифры официальной статистики, не вѣрна и что наше земледѣліе не находится въ такомъ печальномъ положеніи. Но для опроверженія этого возраженія стоитъ только припомнить, что, напр., въ Киевской и Подольской губерніяхъ, — гдѣ превосходный и тяжелый черноземъ, а культура вообще лучше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, вслѣдствіе вліянія сахарно-заводской промышленности, — средній урожай самъ $5\frac{3}{8}$ и что, съ другой стороны, есть мѣстности, какъ, напр., Смоленская и другія губерніи, гдѣ приходится бросать землю и гдѣ урожай не долженъ быть, слѣдовательно, выше самъ $2\frac{1}{2}$ или 2.

Что же вообще значить средній урожай $3\frac{1}{2}$? А значить онъ, что земледѣліе наше находится не далеко отъ того рубежа, перейдя который, намъ придется уходить въ Азію для отысканія новыхъ земель. Здѣсь пужо еще замѣтить, что тѣ утѣшительныя, какъ будто, свѣдѣнія, которыми въ этомъ году были доставлены корреспондентами въ департаментъ земледѣлія, нисколько не доказываютъ успѣховъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ какъ въ корреспонденціяхъ не упоминается объ условіяхъ, въ какихъ находятся земли, гдѣ замѣчено то или другое улучшеніе, а именно эти условія и важнѣе всего для опредѣленія дѣйствительныхъ и прочныхъ успѣховъ.

Все до сихъ поръ сказанное приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) пужды крестьянъ увеличились, а средства ихъ уменьшились, въ чемъ, собственно, и коренится главная причина обѣднѣнія массы населенія; 2) всѣ практическіе земскіе люди пришли къ убѣжденію, что мы находимся очень близко и даже наканунѣ величайшихъ народныхъ бѣдствій.

Въ справедливости втораго вывода можно убѣдиться весьма нагляднымъ образомъ, сдѣлавши одно предложеніе, которое ужъ никакъ нельзя назвать произвольнымъ и несвѣрымъ. Стоитъ только спросить себя, что было бы, если бы въ 1881 г., когда у насъ уже не оставалось никакихъ запасовъ, уро-

дилось бы всего на сажь $1\frac{1}{2}$ (т. е. на полъ четверти) менше на десятину, чѣмъ тогда случилось? Въ этомъ случаѣ, при 60 милліонахъ забираемыхъ у насъ ежегодно десятины земли, получилось бы на 30 милліоновъ четвертей зерна меньше. Въ 1881 г. вывозъ нашъ равнялся около 20 милліонамъ четвертей, и если бы даже вывозъ этотъ былъ воспрещенъ, то и тогда на народное продовольствіе все же не хватило бы 10 милліоновъ четвертей хлѣба, который пришлось бы купить за границей по огромной цѣнѣ, ибо курсъ нашъ упалъ бы сильно, а купить было бы не на что — за сажь навѣрно не удался бы. Цѣна на невывезенный хлѣбъ сильно поднялась бы и хлѣбъ этотъ сдѣлался бы недоступенъ значительной долѣ населенія. Послѣдствія такого положенія, думаемъ, каждому очевидны.

Нужно поэтому признать, что наше народное продовольствіе уже теперь находится въ опасности. Обстоятельство это касается прежде всего министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдающаго у насъ вопросы продовольствія, но насъ болѣе занимаетъ вопросъ, какъ смотритъ на будущее положеніе сельскаго хозяйства министерство государственныхъ имуществъ, которое не только администрируетъ готовымъ, но и производитъ, хозяйничаетъ, заведуетъ не только доменами, но и отечественнымъ землевладѣніемъ и лѣсоводствомъ. По видимому, министерство государственныхъ имуществъ очень усердствуетъ: оно утверждаетъ сельско-хозяйственные школы, оно увеличиваетъ число «опытныхъ» сельско-хозяйственныхъ станцій. Но эти «опытныя» станціи никакого опыта до сихъ поръ не дали — горе, которому думаютъ пособить увеличеніемъ числа самыхъ станцій... Далѣе, министерству, очевидно, извѣстно, что съ нашимъ черноземомъ не совѣтъ то легко сладить. Отсюда въ министерствѣ сейчасъ же возникаетъ проектъ геологическихъ изслѣдованій почвы. Зная, что почва безъ влаги нежизнелюбна, считаютъ нужнымъ отыскать необходимую влагу, вслѣдствіе чего положено опредѣлить: не зависить ли влага отъ лѣсовъ?! И вотъ начинаются метеорологическія наблюденія для опредѣленія отношенія лѣсовъ къ почвенной влагѣ... Но въ то время, какъ на осушку болотъ въ однихъ мѣстахъ издерживаются милліоны, на обводненіе въ другихъ — гроши. Изъ этого слѣдуетъ, что министерство не признаетъ нашъ климатъ слишкомъ сухимъ, а изъ того, что министерство еще собирается изучать вопросъ о связи дождей съ лѣсами, видно, что вліяніе лѣсовъ на климатъ ему совершенно неизвѣстно, между тѣмъ какъ оно признается всѣми практическими сельскими хозяевами и, помимо всего прочаго, доказывается массой историческихъ фактовъ, которые можно найти, напр., въ небольшой статьѣ д-ра Поляе подъ заглавіемъ *Klimaveränderungen in historischen Zeiten*, помѣщенной въ *Wissenschaftliche Vorträge*, — издаваемыхъ Вирховымъ и Гольцendorffомъ. Въ ней объясняется, каковы образцы человѣчества своимъ неразумнымъ хозяйничаньемъ превратило множество странъ на земномъ шарѣ въ пустыни. На сухость нашего климата указываетъ и таблица, помѣщенная въ руководствѣ къ физикѣ Маріе-Дэви; среднее годовое количество ат-

мосферныхъ осадковъ, составляетъ у насъ 360 милліметровъ, тогда какъ на западѣ оно колеблется для различныхъ странъ между 800 и 1200 мм.

Затѣмъ министерство государственныхъ имуществъ, полагая, вѣроятно, что весь сельско-хозяйственный вопросъ сводится къ разрыхленію почвы, увлеклось усовершенствованными агрономическими орудіями, при помощи которыхъ оно думаетъ поднять земледѣліе, страдающее главнымъ образомъ отъ истощенія почвы — и, въ то время, когда требуется прежде всего возстановить силу почвы посредствомъ удобренія, оно направляетъ свои усилія къ извлеченію изъ нея возможно большаго, т. е. къ еще большему истощенію почвы.

Мы видимъ, что наше сельско-хозяйственное министерство разрѣшаетъ всѣ вопросы земледѣлія самымъ академическимъ образомъ, представляя въ этомъ отношеніи типическій образецъ хода мыслей у нашихъ государственныхъ людей, воспитанныхъ въ однихъ чиновничьихъ канцеляріяхъ. Мы видимъ плоды этого прекраснаго воспитанія въ образѣ ребяческихъ административныхъ затѣй и столь же ребяческихъ представленій о дѣйствительномъ мірѣ. То же самое видимъ мы и во всѣхъ прочихъ государственныхъ дѣлахъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока на государственную сцену не выступятъ другіе люди, — люди нашей земли, въ мѣстномъ и государственномъ самоуправленіи.

Это болѣе, чѣмъ ясно.

Р. Ф.

Отъ редакціи. Мы предвидимъ возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано нашими противниками на послѣднюю треть вышеприведенной статьи г. Р. Ф., а именно, что причины оскуднѣнія земледѣльцевъ, указанныя здѣсь авторомъ, болѣе кочмическаго, чѣмъ политическаго характера, а потому самодержавіе, какъ и другая политическая система, тутъ ни при чемъ; — зто требуетъ естественно-научнаго ухода, а естественное и примѣненіе его къ сельскому хозяйству и самодержавію въ Россіи не возбраняется. Но, во первыхъ, и съ самымъ послѣднимъ мы не совѣмъ согласны, такъ какъ несомнѣнно, что теперешнее правительствіе Россіи не только не заботится о развитіи реальнаго образованія, но напротивъ того — стѣсняетъ его и особенно упорно не желаетъ учрежденія именно въ наиболѣе угрожаемыхъ оскуднѣніемъ и наиболѣе эксплуатированныхъ русской финансовой системой южныхъ провинціяхъ — техническихъ школъ, низшихъ и высшихъ. А кромѣ того, обсуждая какое либо общественное явленіе, надо помнить, что люди не кукулы, а живые организмы, въ которыхъ всѣ проявленія дѣятельности тѣсно связаны между собою. Почему, напр., у религіозныхъ новаторовъ всездѣ на свѣтѣ хозяйство идетъ лучше, чѣмъ у людей установившихъ религію? Казалось бы, что общаго между догматикой и скотоводствомъ? Но въ томъ то и дѣло, что возбужденный чѣмъ бы то ни было человѣческій организмъ проявляетъ свою энергію во всѣ стороны своей дѣятельности. Такое же возбужденіе производитъ въ людяхъ и свобода, — самоуправленіе даетъ тѣ кадры, въ которыхъ возбужденные къ изслѣдованію и къ приложенію его результаты индивидуумы соединяютъ свои усилія съ усиліями своихъ сосѣдей и товарищей. Развѣ можно ожидать чего либо подобнаго такому возбужденію и приложенію энергіи отъ индивидуумовъ, населяющихъ Россію въ условіяхъ безправныхъ и изолированныхъ другъ друга животныхъ? Въ довершеніе, развѣ можетъ образоваться въ Россіи слой людей, способныхъ вести научное хозяйство, если въ ней къ теченію десятковъ лѣтъ систематически потреб-

ляется учащаяся молодежь, которая фатально не можетъ примириться съ господствующею политической системою?

Относительно некоторыхъ другихъ пунктовъ статьи г. Р. Ф. могутъ быть сдѣланы и такіе возраженія, что молъ иная описанная бѣда земледѣльческаго населенія существуютъ въ настоящее время и въ странахъ, вышедшихъ изъ системы самодержавія. Дѣйствительно, теперь и въ Западной Европѣ земледѣльцы переживаютъ трудное время, хотя тамъ не зачѣсается, какъ въ Россіи оскуднѣнія самаго земледѣльческаго производства и орудій его, а усматривается только, какъ и въ Россіи, невыгодное для массы земледѣльцевъ распределеніе продукта и тяжелое обремененіе земледѣлія государственными налогами. Но отличие между Россіей и болѣе свободными странами Европы и въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ населеніе не исключая наиболѣе обѣдненныхъ его классовъ, поставлено въ возможность совокупно обсуждать свое положеніе и средства къ его улучшенію и такимъ образомъ все такъ видятъ передъ собою хоть какой либо просвѣтъ. — Мы возвратимся къ этому вопросу въ будущемъ №-ѣ, гдѣ мы помѣстимъ статью о «Крестіанскомъ движеніи въ Германіи», которую, мы надѣемся, читатели наши прочтутъ съ двойнымъ интересомъ послѣ вышеприведенной статьи г. Р. Ф.

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦІИ „КОЛОКОЛА“.

III.

Письма Мельгунова *) къ А. И. Герцену.

1). Гунценбахъ, 2 августа (1857.)

Граціи Марксъ**) позволяютъ себѣ шутки: вчера выставили въ окнѣ «Русскую Бесѣду» между «Пол. Звѣздой» и «Съ того берега». — Лондонск. изданія распродаютъ такъ быстро, что не достаетъ экземпляровъ. Да нельзя ли поставить Трюбнера въ сношенія съ Граціями? Здѣсь русскихъ видимо-невидимо. Русскій языкъ съ французскимъ совершенно вытѣснилъ нѣмецкій, и даже почти англійскій. Этимъ надо пользоваться.

2). 11 ноября (1857), Баденъ, вечеръ.

Въ нынѣшнемъ году требованія на твои изданія были страшныя.

Не найду ли въ Франкф. послѣднихъ №№ «Колокола»? Зью книжку Голосовъ (изъ Россіи) приносятъ мнѣ здѣшній мой докторъ, который вздумалъ учиться по русски. Ты, того и гляди, что выучишь нѣмцевъ даже и *novit po russky*.

Твоя посылка дошла до насъ благополучно. Въ этомъ № (4) мнѣ особенно понравилась статейка по новоду книги Корфа. И дѣльно и тепло.

А вѣдь въ Россіи много добрыхъ начинковъ! Титовъ выбралъ Кавелина и Бабета въ учителя наследнику. Теперь того и гляди, что Кетчеръ попадетъ въ дѣды, а ты въ законоучителя.

Ну, а освобожденіе крестьянъ съ землею, а печатные толки о необходимости ввести у насъ суды присяжныхъ и еловіе адвокатовъ; а большіе и большіе размахи мысли. Въ Петербургѣ будетъ издаваться какой то русскій Шарпваріи. Что-бы тебѣ записать въ сотруднички?

3). 2 Декабря (1857)

И неправильно получилъ № 5, и хоть дорого заплатилъ за него (42 крейц.) но все та-

*) Мельгуновъ умеръ лѣтъ 10 тому. М. Д.

**) Содержательницы кн. магазина въ Г.-х. М. Д.

ки весьма тебе благодарен. Спешу сообщить кое что по этому поводу. Я показывал № разным русским, из которых иные недавно из России. Они все подтвердили строгую точность извѣстій. Разумѣется, этот №, который и безъ того оказался самым интересным изъ всехъ, получаетъ отъ достовѣрности извѣстій двойную цѣну. Вообще, я вижу съ радостью, что число твоихъ корреспондентовъ увеличивается и что ты все болѣе и болѣе находишь сочувствія въ Россіи. Давай-то Богъ! Великое дѣло настойчивость!

Не знаю, извѣстно ли вамъ, какъ кончилась исторія студентова *). Въ развязкѣ есть и утѣшительное и горькое. Начну съ послѣдняго. Студентамъ дозволено было выбрать себя представители при слѣдствіи. Они, какъ меня увѣрили, выбрали Баршева, который отлично выполнилъ свое дѣло. Слѣдствіе показало, что полиціи кругомъ виновата. И чтожь? Смыслъ одинъ частный приставъ; на него одного свалили всю вину. Въ Москвѣ были увѣрены, что Берингъ не успитъ, тѣмъ болѣе, что попечитель горячо взялъ сторону студентова и расположилъ въ пользу ихъ государя. Но Закревскій сказалъ, что если смѣнять Б—га, то онъ подастъ въ отставку. А этого Е. В. не желаетъ; ибо, по слухамъ, Орловъ и прочіе старики увѣрили его, будто Закр. необходимъ.

Вотъ скверная сторона; теперь отрадная. Ты знаешь вѣроятно, что перебитые и перераненные студенты — поляки. До сихъ поръ между польскими и русскими студентами въ Москвѣ существовало обоюдное отчужденіе. Оно происходило отъ двухъ причинъ: отъ несовѣснаго пріязненнаго чувства поляковъ къ русскимъ товарищамъ (но не наоборотъ) и отъ того, что поляки почти исключительно казеннокошныя, медики, бѣдны и не всегда то порядочны. А съ медиками, да еще казенными, прочіе факультеты мало явняются. Теперь же, послѣ этой исторіи, какъ меня положительно увѣряютъ, русскіе и поляки побратались и дружба между ними страшная. Русскіе студенты горою стали за своихъ польскихъ товарищей, и при всякомъ случаѣ наперерывъ показываютъ, что и знать больше не хотятъ про племенное различіе. А quelque chose le malheur est bon; а это quelque chose отлично.

Теперь въ Россіи все и все ждетъ эманципации. Самые рьяные изъ помѣщиковъ приемирились. При этомъ случаѣ сообщу я свой вчерашній разговоръ съ П — и В — кимъ, у котораго нѣсколько тысячъ душъ, который часто охотится съ царемъ и что-то въ водѣ гофъ-маршала при дворѣ. «Крестьянъ освободятъ, — прекрасно! Откладывать болѣе нельзя; стало, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ну, а потомъ? Освобожденные мужики стануть казенными; ну, а казенные? Останутся тѣмъ, чѣмъ были? Ну, а мы, дворяне? а купечество? Прекрасное, необходимое дѣло эманципация; но этого мало. Для Россіи и для насъ всехъ нужны права, гарантіи. Вотъ куда должны гнуть Герценъ. Не Берингъ и не Закревскій главное; разумѣется, это свиньи; кто же у насъ этого не знаетъ? Главное то, что Б. и З.

*) Въ Москвѣ. См. 5 № «Колокола». М. Д.

возможны. А отъ чего возможны? Отъ того, что нѣтъ общественнаго мнѣнія. А отъ чего его нѣтъ? Отъ того, что мы все, и мужики, и дворяне, все живемъ въ полномъ беззаконіи. Вотъ о чемъ Герцену слѣдуетъ добить безпрестанно».

Передаю съ дипломатической точностью. Пожалуй, можешь напечатать, не называя именъ.

4) (Начало 1858) *)

Пишу тебѣ подъ влияніемъ послѣднихъ событий: начала освобожденія крестьянъ, начала освобожденія отъ цензуры **), начала освобожденія раскольниковъ въ признаки ихъ браковъ. Вѣра въ успѣхъ, въ развитіе видимо растетъ и крѣпнеть. Тѣ, которые считали Александра Николаевича дуракомъ, начинаютъ говорить иначе***); ненависть и любовь къ нему растутъ по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе и болѣе высказывается въ смыслѣ добра и успѣха. Посреди такого положенія, роль твои, другъ, велика и благотворна. Вліяніе твое безмѣрно. Н. est une puissance, сказалъ недавно кн. Долгоруковъ****) за обѣдомъ, у себя. Препіе враги твои по литературѣ исчезли. Все думающее, пишущее, желающее добра — твои друзья и болѣе или менѣе твои почитатели. Молодежь на тебя молится, добываетъ твои портреты, — даже не бранитъ того и тѣхъ, кого ты, очевидно съ умысломъ, не бранишь. Словомъ, въ твоихъ рукахъ огромная власть, и замѣтно, какъ ты

*) Письмо это писано кѣмъ то другимъ, какъ видно, очень близкимъ къ Герцену человѣкомъ, но не подписано. Въ концѣ письма добавлено рукою Мельгунова: «Вполнѣ соглашаюсь со всемъ выше писаннымъ» и пр. см. ниже. М. Д.

**) Моск. цензора Крузе III-е отдѣленіе представило какъ умысленаго нарушителя Высочайшей воли. Резолюція: III-му отдѣленію не мѣшаться въ дѣла цензуры.

***). Въ поясненіе этихъ словъ замѣтимъ, что общественное движеніе къ реформамъ проявилось (по крайней мѣрѣ въ болѣе образованныхъ сферахъ) еще во время войны 1854—56 г. и обнаруживало себя въ обширной рукописной литературѣ, которая частью шла себѣ исходъ за границей, благодаря Вольной Р. Типографіи Герцена («Голоса изъ Россіи» и пр.). Между тѣмъ Александръ II сначала ничѣмъ не проявлялъ своихъ реформаторскихъ наклонностей, кромѣ частыхъ перемѣнъ въ обмундировкѣ, которыя называли въ публикѣ прозаическія и стихотворныя шутки. Что касается до крестьянскаго вопроса, то въ заинтересованныхъ имъ кругахъ было извѣстно, какъ то, что Александръ II, будучи наслѣдникомъ, въ двухъ комитетахъ (1846—1848 г.) былъ противъ освобожденія, такъ и неблагоприятное эманципации письмо гофмаршала его двора Олсуфьева къ истерб. помѣщику Ольгину, представившему проектъ улучшеній положенія крестьянъ. (См. Матер. для Ист. упр. кр. пр., I, 54—58, 77—78, 99—105). Мы уже говорили о первомъ циркулярѣ новаго министра вн. дѣлъ, назначеннаго Александромъ II на мѣсто учредителя штатенарныхъ правилъ въ зап. кр., Вибикова, — о повелѣніи государя «непременно охранять права, вѣщенности его предкамъ дарованныя дворянству». — «Люди передовые, говоритъ Д. П. Хрущовъ (авторъ «Матеріаловъ» и пр.), вообще мало ожидали отъ новаго царствованія». Прибавимъ, что уже послѣ того, какъ Александръ II рѣшился (въ 1856 г.) предпринять освобожденіе крестьянъ и образовалъ для обсужденія этого дѣла секретный комитетъ (все изъ крѣпостниковъ); дѣло не двигалось до тѣхъ поръ, пока Н. А. Милютинъ не поставилъ правительство въ невозможность отступить назадъ, убѣдивъ Ланского напечатать рескриптъ вилескому генер. губернатору. (См. объ этомъ у Ан. Леруа-Болье: Un homme d'état russe, Rev. d. D. Mondes, 1880, 1 Oct. 562; ср. «Русск. Стар.» 1881, Іюль, 410). М. Д.

****). Вѣроятно, шефъ жандармовъ. М. Д.

зрѣешь не по днямъ, а по часамъ. Твое послѣднее письмо къ императору по поводу книги Корфа циркулируетъ въ спискахъ и производитъ неописанное дѣйствіе. Ничего подобнаго наша литература дѣйствительно не представляла.

Но имѣя такое огромное значеніе, помни, что ты имъ обязанъ исключительно той роли, которую ты такъ благородно и самостоятельно принялъ въ послѣднее время, быть возмѣстителемъ не только міру — это бы еще ничего — а намъ и Александру II, нашей гнѣлѣ и мерзости. По твоимъ статьямъ поднимаются уголовныя дѣла, давно преданные забвенію, твоимъ «Колоколомъ» грозятъ властямъ. Что скажетъ «Колоколъ», какъ отзовется «Колоколъ? Вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ все, и этого отзвѣда страшатся министры и чиновники всехъ классовъ. Теперешній Государь — лучший и самый порядочный изъ всехъ принимающихъ участіе въ правленіи. Благонамѣренность его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; вмѣстѣ — и это начинаютъ тоже понимать мало-по-малу все — онъ человѣкъ очень хитрый и ловкій, который ведетъ свои дѣла крайне искусно. Не думай, чтобы лести руководила моимъ перомъ. Я говорю тебѣ правду. Государь дурно приготовленъ къ дѣлу правленія, не счастливъ въ выборѣ людей, но по всемъ видимостямъ не находится въ ихъ рукахъ, не довѣряется своему антуражу, да и къ себѣ недовѣрчивъ. Одинъ полякъ, мой пріятель, рассказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ сонъ, будто бы Государь благодарилъ тебя письмомъ за твои публикаціи, за помощь и содѣйствіе, которыя ты ему оказываешь ими и просилъ продолжать въ томъ же тонѣ. Это имѣетъ глубокий смыслъ. Сонъ въ руку. Это твоя роль, твое назначеніе. Тебя оскорбила, кажется, фраза во введеніи къ голосамъ изъ Россіи, что гнусная, непроницаемая среда отдѣляетъ царя отъ народа и что для возстановленія сношеній между ними нужны публикаціи за-границей. На дѣлѣ это истинная правда. Послушай же, что я говорю тебѣ отъ имени всехъ друзей, всехъ почитателей, всехъ благомыслящихъ людей въ Россіи: дѣлай то, что ты теперь дѣлаешь, только въ еще сильнѣйшей степени: печатай все гнусности, глупости и злодѣйства, казни ихъ безпощадно, съ лицами, именами и пр., но обходи еще осторожнѣе съ императорскою фамиліей, тѣмъ болѣе, что теперь она, положи руку на сердце, далеко не самое гнусное, что есть въ Россіи. Щади ихъ, не печатай объ нихъ статей, въ родѣ тѣхъ, какъ ты напечаталъ о старухѣ *), и повѣрь, ты еще сильнѣе будешь дѣйствовать. Вы скоро можете, не красѣя, подать другъ другу руку съ Александромъ II и считать другъ друга союзниками на благо и счастье Россіи. Кстати же его ругаютъ твоимъ именемъ, спрашиваютъ новыхъ календарей, чтобы посмотреть, не представленъ ли онъ въ бородѣ, и говорятъ, что если бы ты царствовалъ въ Россіи, то было бы не хуже. При такихъ обстоятельствахъ вся литература должна щадить лица, но за то тѣмъ безпощаднѣе должна бить мерзости и гадости en principes comme en faits. Вспом-

*) Августѣйшіе путешественники (Вдовствующая императрица) въ 1 №-рѣ «Колокола». М. Д.

ни, другъ, что ты теперь выборный Русской земли, единственный свободный Русский. Говори же съ властью тѣмъ языкомъ, какимъ бы мы съ нею говорили. Можешь ругать дѣла и людей минувшаго царствованія, но перестань бранить покойника, чтобы не ставить сына въ ложное положеніе, — какъ ни былъ гадою и преступенъ прежній царь. Дѣятельность твоя такъ мужаетъ, силы твои такъ растутъ, что ты уже можешь и долъженъ взвѣшивать каждое свое слово, размѣрять каждый свой поступокъ. Немногимъ выпадаетъ такая достойная и высокая роль въ жизни, какъ тебѣ, другъ! Сравнивая тебя съ Курбскимъ, нельзя не порадоваться тому, на сколько мы нравственно выросли въ этотъ промежутокъ времени. Будь же выборнымъ Русской земли, пусть благовѣстъ твоего колокола широко раздается въ ней, пробуждая мертвыхъ и живыхъ на общее дѣло. Ты сталъ остороженъ, спасибо тебѣ за это. Ты сталъ недоверчивъ: это избавитъ тебя отъ тысячъ промаховъ, которые повредили бы дѣлу. Роль твоя политическая и громадская. Войди въ нее съ головой и погамъ.

Вотъ, въ заключеніе, нѣсколько извѣстій объ Александрѣ Николаевичѣ, героѣ теперешнихъ событій. По моск. студенческой исторіи онъ велѣлъ отдать подъ судъ полицейскихъ чиновниковъ, — част. пристава, квартального надзирателя и поручика. Студента же Гапусевича освободить отъ суда, такъ какъ онъ совершилъ нарушение закона вслѣдствіе необходимости обороны*). По вопросу объ эманципации онъ подкованъ крѣпко. На предупрежденіе Министра В. Дѣла, чтобы онъ не впалъ въ клеветамъ и лжи, необходимымъ послѣдствіемъ сдѣланныхъ по эманципации распоряженій, Государь поклонился Ланскому и сказалъ: Будьте благонадежны. Онъ готовъ на безпорядки крестьянскіе; недавно у него вырвалась фраза: я эманципации хочу немедленно, во что бы ни стало, хотя бы пришлось заплатить жизнью.

Посылаемъ тебѣ дружескій сердечный привѣтъ. (Приписка Мельгунова). Вполнѣ соглашаюсь со всѣмъ вышеписаннымъ и прошу внять оному. Обнимаю тебя отъ души и дѣтей твоихъ.

5) Москва, 17 апрѣля, 62.

Очень думаю я о томъ, какъ бы добыть средствъ для нашего Улисса (которому, прошу тебя, пожми крѣпко руку и вырази мою глубокую радость объ успѣхѣ его предпріятія**). Но Москва рѣшительно не за васъ; скорѣе Петербургъ, Тверь... Москва Вамъ не сочувствуетъ, напротивъ. Мы всѣ здѣсь, къ какой бы партіи ни принадлежали, люди историческіе, за почву историческую, и радикализма мы переварить не можемъ. Не думай, чтобы я говорилъ про одинъ какой-либо кружокъ; нѣтъ, я говорю о всѣхъ —

*) Рѣшеніе это «Колоколь» сообщилъ (№ 8) въ передовой замѣткѣ: «Императоръ и студенты», — прибавивъ въ концѣ: «Съ глубокимъ уваженіемъ печатаемъ мы это рѣшеніе... какъ оно ни просто, ни естественно, но мы въ немъ видимъ новое доказательство, какъ далеко уже осталось за нами то несчастное время, когда полиція была во всемъ права!» М. Д.

**) Дѣло идетъ, по всей вѣроятности, о М. А. Бакунинѣ. М. Д.

исключая, разумѣется, небольшого числа молодежи. У насъ уважаютъ искренность твоихъ убѣжденій, пользу отъ большей части сообщаемыхъ тобою извѣстій, и о тебѣ говорятъ не иначе, какъ съ любовью... Но на этомъ и останавливается сочувствіе.

Впрочемъ, авось либо мы съ тобою увидимся. — Здѣсь Сверб. говоритъ своимъ жирнымъ голосомъ: «au train que nous menons, я долженъ черезъ два года пожать руку А—ру И—чу въ Москвѣ». На первый разъ намъ общающаго новое изданіе твоихъ сочиненій, съ полнымъ твоимъ именемъ. Пожми отъ меня руку Ник. П—чу. (Огареву).

IV.

Письма Н. Н., Депутата редакц. комм. по кр. дѣлу.

1) Берлинъ, $\frac{28 \text{ мая}}{11 \text{ июня}}$ 1859.

Препровождаю къ Вамъ, искренно уважаемый Александръ Ивановичъ, письмо Х. У. Z—а и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы напомнить Вамъ о себѣ и въ особенности поблагодарить Васъ за добро, которое Вы дѣлаете всѣмъ намъ безъ исключенія. И брань, и слова сочувствія Вашего для насъ весьма полезны: Ваше безцензурное, свободное слово насъ отрезвляетъ, — заставляетъ насъ сличать нашъ языкъ съ Вашимъ, и многое, что прошло бы не замѣтно — такъ, — по привычкѣ, остается въ перѣ и не является уже на бѣлый свѣтъ. Спасибо, сто разъ спасибо Вамъ. Не слушайте Ч—а и Ком. *) Эти либералы-доктринеры схоронили бы жизнь, еслибы они могли ее только захватить. Къ счастью, она имъ въ руки не дается.

Теперь я въ Берлинѣ. Іаковъ собралъ въ Питерѣ многихъ въ качествѣ экспертовъ, для начертанія проекта Положенія по крестьянскому дѣлу**). Туда призваны между прочимъ Самаринъ и Черкасскій. Меня онъ не пригласилъ, — почему, не знаю. Говорятъ, что былъ я въ спискѣ, но въ Глав. Комитетѣ согласились съ трудомъ на Черкас. и Сам., но рѣшительно потребовали исключенія моего имени. Находятъ меня, какъ слышно, слишкомъ радикальнымъ и упрямымъ эманципаторомъ. Думаю, что они мнѣ дѣлаютъ слишкомъ много чести. Теперь я ѣду въ Карлсбадъ выгонять желчь, которую мнѣ нагнали Комитетъ***) и цензура. Въ Іюль, передъ морскимъ купаньемъ, надѣюсь быть въ Лондонѣ и лично засвидѣтельствовать Вамъ мое искреннее къ Вамъ уваженіе, съ которымъ остаюсь

Вашимъ покорнымъ слугою.

Н. Н.

2) Остенде, 30 Августа, 1859.

Искренно сожалею, глубоко уважаемый Александръ Ивановичъ, что обстоятельства лишаютъ меня возможности быть въ Лондонѣ и лично поблагодарить Васъ за все добро, которое Вы намъ дѣлаете. Я думалъ купаться здѣсь три недѣли, потомъ съѣздить отдохнуть на недѣлю въ Лондонъ и еще

*) См. письмо Ч. къ Г—ну, напечатанное въ 29 № «Колокола», въ которомъ Ч. осуждаетъ, по его мнѣнію, болѣе страстное, чѣмъ обдуманное отношеніе Г—на къ текущимъ дѣламъ въ Россіи. М. Д.

**) Въ редакціонную комиссію мѣстныхъ положеній. М. Д.

***) Губернскій по кр. дѣлу. М. Д.

двѣ недѣли здѣсь пользоваться морскими сентябрьскими волнами. Но обстоятельства заставляютъ меня спѣшить въ Петербургъ. Еще въ Іюль я получилъ приглашеніе приѣхать въ Петербургъ въ качествѣ депутата отъ проекта мною поданнаго въ Н—скій Губ. Комитетъ, но я, признаться, не хотѣлъ участвовать въ Депутатскихъ трудахъ, ибо уже и Н—скіе дрязги довольно испортили у меня крови и довольно разстроили мою желчь и нервы. На-дняхъ получилъ отъ Самарина и Черкасскаго письма, которыми они настоятельно требуютъ, чтобы я въ скорѣйшемъ времени приѣхалъ къ нимъ на помощь. Хотя я не радъ, да готовъ. Знаю, что я не ужоу ни Депутатамъ, моимъ сочленамъ, ни Правительству, ни даже Вамъ, досточтимому нашему глашатаю: вперёдъ, вперёдъ; а потому ѣду весьма нехотя — ѣду по долгу — ѣду на всякія дрязги и неприятности. Я не могу быть за одно съ Депутатами, ибо они хотятъ освобожденія на словахъ и закрѣпленія на дѣлѣ или продажи имѣній за двойныя, тройныя цѣны. Я не могу поддерживать правительство, ибо оно само не знаетъ, чего хочетъ: сегодня оно за выкупъ, завтра противъ; сегодня за переходное состояніе, завтра за обязательное прекращеніе барщины, и пр. Надобно отдать справедливость Ростовцевской Комиссіи, что ея труды (до журнала № 33) хороши и общающаго доброе положеніе, но кто поручится, что журналы №№ 34, 35 и слѣд. не уничтожатъ того, что доселѣ выработано? Я не въ состояніи также Вамъ угодить, ибо Вы выставляете и должны выставлять требованія самыя широкія, самыя радикальныя. На нашемъ мѣстѣ я дѣлалъ бы то же. Вы должны насъ постоянно подгонять и никогда не быть нами довольнымъ; но мы, дѣйствуя, должны дѣлать уступки, безъ чего не получимъ и того, чего можно достигнуть. На нашемъ мѣстѣ Вы едва ли не такъ же бы поступили. Конечно Черкасскій не за розги. Если онъ объ нихъ написалъ, то это было единственно въ угожденіе дворянству, отъ котораго нужнѣе всего было вырвать землю для крестьянъ. Общественное мнѣніе, по милости журналовъ, отвергло розги, и Черкасскій очень счастливъ, что этою выходкою онъ сдѣлалъ теперь невозможнымъ включеніе ихъ въ Крестьянское Положеніе. Этотъ негативный успѣхъ — великъ и спасибо за него Черкасскому. Къ чему же теперь, послѣ его публичнаго покаянія, еще преслѣдовать его насмѣшками въ «Колоколѣ»?

Конечно, между нами и Вами есть значительные пункты разномыслія, но едва ли кто изъ Россіи болѣе насъ Вамъ сочувствуетъ. Вы вѣруете въ Русскій народъ, въ Русскую будущность, въ Русскую общину, въ чисто народный складъ нашего будущаго государственнаго и общественнаго устройства — эти убѣжденія намъ общи и они пленно на очереди сегодня. Къ чему же бросать въ насъ камешками?

Мы за самодержавіе потому, что освободить крестьянъ (дѣло самое важное для насъ) могло одно самодержавіе, что предательство теперь у насъ невозможно, ибо

въ немъ будетъ играть главную роль дворянство, самое гнилое у насъ сословіе, и что всякая вымышленная конституція есть для государства величайшее зло. Дайте времени: самодержавіе возможно пока идти другой силой, могущей его ограничить. Этой силы у насъ еще нѣтъ; ей надобно возникнуть, развиться, окрепнуть. Освобождение крестьянъ должно быть къ тому первымъ шагомъ. Пусть въ началѣ останутся нѣкоторыя ограниченія, стѣпенія; главное, чтобы крестьяне были надѣлены землею и въ количествѣ по возможности большею. Это надѣленіе дѣлается разъ на всегда; его уже передѣлать нельзя; все остальное измѣнится, улучшится, усовершенствуется. След. теперь земли, земли, и еще земли для крестьянъ. Вотъ мое глубокое убѣжденіе и для осуществленія его я готовъ бросить дворянству многое, чѣмъ оно можетъ на время утѣшиться.

Я хотѣлъ было къ Вамъ прислать мое сочиненіе о нѣсколькихъ вопросахъ по крестьянскому дѣлу, но теперь, вызванный въ Петербургъ, я долженъ многія мысли проводить въ Комитетѣ, а потому не ловко ихъ огласить изъ Лондона.

Пожелайте намъ успѣха. Выставляйте свои требованія — это для насъ полезно. Ругайте насъ съ своей точки стоянія: это необходимо и благотѣльно; но не становитесь въ ряды ни западниковъ, ни ихъ противниковъ. Вамъ это легко — для насъ это невозможно. Этимъ Вы сдѣлаете много добра всѣмъ намъ.

Извините, глубоко уважаемый Александръ Ивановичъ, что я пустился на совѣты, но Вы не частное лицо; Вы дѣятель общественный, а потому всякій вправѣ высказывать Вамъ свои мысли, а Вы изъ нихъ сдѣлаете, что заблагоразсудите.

Завтра я отправляюсь въ Петербургъ, гдѣ и надѣюсь быть чрезъ недѣлю. — Искренно сожалею, что не могъ съ Вами видѣться.

Вамъ душевно преданный Н. Н.

Краткій прозектъ (Вами напечатанный*), очень хорошъ; но переходное состояніе не мнимое. Обязательный выкупъ не возможенъ. Необходимо открыть возможность выкупа для крестьянъ одновременно съ установленіемъ обязательнаго положенія; но равно необходимо предоставить крестьянамъ право добровольнаго соглашенія на этотъ выкупъ — въ этомъ надежнѣйшее обезпеченіе противъ недомоковъ. Условія выкупа должны быть обязательны для помѣщика, но изъясненіе на нихъ согласія со стороны крестьянъ должно быть добровольное.

Не мѣшало бы Вамъ спросить въ «Колоколѣ», къ чему въ Ростовцевскую Комиссію насаждали такую пропасть чиновниковъ? Что тамъ могутъ дѣлать изъ не чиновниковъ такіе люди, какъ кн. Голицынъ (Вы уже разъ его хлестнули по Комитету, но не мѣшало бы повторить), Желтухинъ, Позенъ (онъ прагъ надѣленія крестьянъ землею и не дѣйствуетъ прямо, а все изъ за угла и окольными путями)?

Не мѣшало бы также разобрать по косточкамъ всѣхъ членовъ Главнаго Комитета (Орлова, Адлерберга, Долгорукаго, Панина,

[спасибо за біографію], Чевкина, Муравьева, Гагарина, Княжевича [онъ ничтоженъ]). На доброй сторонѣ засѣдаютъ В. К. Константинычъ, Бладовъ, Ростовцовъ и Ланской. Всѣ ровно ничего не смыслятъ, а большинство Комитета враждебно эманципаціи. Что можетъ сдѣлать такой Комитетъ? — а онъ поставленъ Верховнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ... Какъ бы ни былъ государь благонамѣренъ, но противъ такого комитета ему не вытянуть. — А дѣлопроизводителемъ — Бутковъ. Этотъ человекъ изгадитъ хоть какое хотите дѣло.

Теперь важно хлестнуть этихъ господъ, ибо скоро главныя основанія поступать на ихъ расмотрѣніе.

Отъ редактора „Вольнаго Слова“. Напечатанныя выше письма интересны, какъ документы, доказывающіе то огромное практическое значеніе, какое имѣетъ «Колоколъ», представлявшій тогдашнюю либеральную часть общества, въ дѣлѣ реформы прошлаго царствованія. Какъ смѣлины послѣ этихъ писемъ холонскія выходки нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ по поводу фразы Прудона, въ его письмѣ къ Ю. О. Самарину, напечатанномъ во 2 №-рѣ «Руси» 1883 г.: «Какъ желать бы мнѣ, чтобы съ того дня, какъ вступилъ Александръ II на широкій путь эманципаціи, Герценъ заставилъ смолкнуть свой «Колоколъ»? Прудону, какъ иностранцу, отчасти можно простить это восклицаніе, равно какъ и несправедливое, что «Колоколъ» при Николаѣ I и не издавался. Но что скажутъ въ свое оправданіе русскіе публицисты, особенно послѣ напечатанныхъ теперь писемъ, къ которымъ мы добавимъ въ слѣдующемъ №-рѣ еще одно не напечатанное «Русью», письмо Ю. Самарина къ Герцену. Кроме того, вышеприведенныя письма еще интересны тѣмъ, что рисуютъ ярко ту фазу русскаго либерализма, когда онъ еще носилъ нѣсколько монархическій характеръ, когда русскіе либералы-прогрессисты, не только славянофилы, но и западники, уравнивали агитатора и революціонера Герцена быть какъ можно мягче къ царю, котораго считали «самымъ порядочнымъ человекомъ изъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ правленіи». Кто нанесетъ ударъ этому отношенію русскихъ прогрессистовъ къ царю и монархическому принципу? — Самъ же Александръ II! Это документально доказывается, между прочимъ, и напечатанными у насъ письмами Громеки, правдивость показаній котораго о реакціонныхъ порывахъ Александра II въ самый моментъ освобожденія крестьянъ подтверждается и любознательными документами, напечатанными въ статьѣ Ан. Леруа-Болье о Н. А. Милютинѣ (Un homme d'état russe. Rev. de Deux Mondes, 1880, Octobre). Статья эта, къ сожалѣнію, хуже чѣмъ неизвѣстна русской публикѣ, такъ какъ порядочные журналы не смѣли полно изложить ее, а лакейскіе умысленно переврали ее, — а между тѣмъ изъ этой статьи ясно видно, что Александръ II считалъ даже монархиста, но все же реформатора, Н. А. Милютина, за «краснаго» и «революціонера», и какъ таковаго «выпроводилъ» изъ министерства ви. дѣлъ въ 1861 г., въ то время, когда, по словамъ Громеки, царь-освободитель говорилъ (но всей вѣроятности Долгорукову), что не можетъ упразднить III отдѣленіе, которое ему «докладываетъ о революціонномъ направленіи, проникнемъ даже въ министерство внутреннихъ дѣлъ». — Мы возвратимся еще къ этимъ вопросамъ, но напечатаніи писемъ другихъ дѣятелей того времени. М. Д.

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦІАЛИСТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

IX.

Союзы рабочихъ и соціалистическія франціи.

(Продолженіе).

Между тѣмъ, какъ показаннымъ въ предыдущемъ письмѣ образомъ росло рабочее

движеніе, имѣющее собою кадрами синдикаты, — организуя рабочихъ на почвѣ существующихъ экономическихъ и политическихъ отношеній и во имя требованій, созванныхъ всею рабочею массою Франціи, — въ концѣ 1877 г. въ Парижѣ появилась группа людей, которая захотѣла поднять эту массу во имя абстрактнаго соціалистическаго идеала. Группа эта состояла первоначально изъ пяти душъ: Гэдъ (Guesde), Девиль, Марукъ, Массаръ и Лабюскеръ. Все люди молодые и способные. Гэдъ, руководитель и представитель этого кружка, былъ безспорно наиболѣе талантливый и выдающійся между ними. Ораторъ, обладающій при этомъ ловкой аргументаціей, человекъ крайне энергичный, настойчивый, съ авторитарной натурой и съ страстной любовью къ общественной дѣятельности, онъ выступаетъ въ 1877 году на общественную дѣятельность горячимъ поклонникомъ Карла Маркса, политико-экономическія воззрѣнія котораго онъ и пытался провести во Франціи.

Сблизившись съ вышеупомянутыми 4-мя студентами, Гэдъ задумалъ издавать газету, специально предназначенную для агитаціи между рабочими, которые, по его мнѣнію, бездѣйствовали и находились въ какомъ то сонномъ, апатическомъ состояніи, «dans l'état d'avachissement».

Съ великимъ трудомъ удалось товарищамъ достать незначительную сумму денегъ, сгруппировать вокругъ себя думъ 10 рабочихъ, и начать издавать «Egalité». За недостаткомъ средствъ, газета выходила разъ въ недѣлю. Неуклонно и послѣдовательно развивая Гэдъ на столбцахъ «Egalité» свои экономическія и политическія воззрѣнія. Какъ у нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, у него государственность, étatism, staatsocialismus стояли на первомъ планѣ. Центризмъ до мозга костей, Гэдъ прямо рекомендовалъ перемѣну всего существующаго строя насильственной революціей, экспроприаціей земли и орудій труда — государствомъ. Эта централизованная машина должна была обратитъ къ социализму и тѣхъ, которые бы иначе его въ толкѣ не взяли, какъ, напр., миллионы французскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, а также и тѣхъ, которые бы просто его не пожелали. Соціалисты, захватившіе государственную власть должны были построить государство на началахъ коллективной собственности и водворить въ людскихъ отношеніяхъ свободу, солидарность и равенство.

Все это высказывалось въ «Egalité» не въ крикливомъ тонѣ, присущемъ революціоннымъ статейкамъ, печатающимся во Франціи, въ которыхъ обыкновенно, кромѣ набора фразъ и восклицательныхъ знаковъ, трудно встрѣтить что либо другое. Статьи, помѣщаемыя въ «Egalité», тщательно обдѣлывались и отчасти походили на философскіе трактаты по политической экономіи. Текущая дѣла Франціи занимали чрезвычайно мало мѣста въ газетѣ и обсуждались въ самомъ мрачномъ духѣ и, такъ сказать, въ кассационной формѣ, что все составляло, по нашему личному наблюденію, одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ газеты.

Надо знать парижскаго рабочаго, приученнаго къ легкимъ, развязнымъ, но чрезвычай-

*) См. приложение къ 45 № «Колокола». М. Д.

но бойкимъ, пикантнымъ и популярнымъ статейкамъ распространенныхъ среди рабочихъ ежедневныхъ газетъ. Къ тому же новый режимъ и надежды на лучшее политическое устройство, агитация республиканцевъ, борьба ихъ съ отъявленными врагами республики, ненавистными для рабочихъ, — все это заставляетъ рабочихъ интересоваться политическими событиями минуты. Рабочій, не имѣя ни времени, ни должной критики для прочтенія со смысломъ сухихъ теоретическихъ и отвлеченныхъ руководящихъ статей «Egalité», брался за чтеніе отдѣла о текущихъ дѣлахъ своей страны и, находя краткій, сухой отчетецъ о «такихъ пустякахъ» и абсолютное порицаніе и отрицаніе, невольно опускалъ руки; передъ нимъ свѣтъ клиномъ сходилъ. Находясь подъ гнетомъ нищеты и непосильнаго труда, рабочій рисовалъ себѣ картину на самомъ дѣлѣ довольно безотрадную. Все скверно, все непригодно; улучшеній нѣтъ, да и не можетъ быть. Гдѣ же лучше? въ коллективномъ строѣ; но какъ же его достигнуть? путемъ революціи. И это говорилось шесть лѣтъ спустя послѣ Коммуны, трагическая развязка которой, ужасы послѣдовавшей реакціи, недоброжелательное отношеніе къ ней провинціи и тысячи томившихся въ изгнаніи и ссылки — живо стояли передъ умомъ рабочихъ, которымъ надо было расхлебать всю эту кашу, — перечувствовать ее, подвести ей итоги и вывести поученіе для будущаго. Кромѣ же кровавой революціи, «Egalité» средства другаго не рекомендовала. И рабочій прекращалъ разсужденія о томъ, «гдѣ лучше?». Махнувъ на все рукой, съ виднымъ болѣзненнымъ чувствомъ говорилъ себѣ: «ma foi, tant pis; il faut vivre comme on vit....»

На такіе разсужденія мы лично наталкивались въ рабочихъ центрахъ, гдѣ наиболѣе распространялось «Egalité» и гдѣ къ ней, въ силу личныхъ связей, относились дружелюбно, — въ фабричныхъ городкахъ Сюренъ, Пюто и Курбевуа, расположенныхъ сейчасъ за крѣпостными валами Парижа. Въ нихъ рабочій трудился съ прибавочными часами по 15 часовъ въ сутки, а во время *forte saison* приносилъ домой за двѣ недѣли какихъ нибудь 15 франковъ. Сказать бы, что рабочіе этихъ предмѣстій были люди забитого и реакціоннаго типа, но въ томъ то и дѣло что рабочіе этихъ городовъ въ большинствѣ случаевъ участвовали на баррикадахъ Парижа, защищая республику и свободу коммуны въ 1871 году. Мы имѣли также возможность подѣлать, какъ относились люди, принимавшіе дѣятельное участіе въ рабочемъ синдикальномъ движеніи Франціи, къ идеямъ, проповѣдуемымъ газетой «Egalité». Вожаки синдикальнаго движенія ничего не имѣли противъ коллективной собственности: «à coup sûr, ce serait une belle chose», говорили они, «но вопросъ — какъ ее достигнуть?»

И это для нихъ, какъ для людей практическихъ, самое главное въ дѣлѣ.

«Положимъ», разсуждали рабочіе на всѣ лады, «революція разрушитъ все старое и, индивидуальная собственность исчезнетъ, но что же будетъ дальше?...» т. е. они не могли представить себѣ конкретно тѣхъ общественныхъ формъ, въ которыя немедленно долженъ былъ быть

втиснуть весь видимый ими пышный строй, со всѣмъ его разнообразіемъ и многосторонностью.

Въ концѣ концовъ, форма коллективной собственности, да еще въ томъ видѣ, какъ ее пропагандировали приверженцы ея, представляется для рабочихъ идеаломъ столь отдаленнымъ, что покуда, по ихъ мнѣнію, изъ за него и пороку тратить нечего, а тѣмъ паче некогда: пока же передъ носомъ растутъ цѣлые вороха мелкихъ, но насущныхъ вопросовъ, требующихъ неотложнаго и немедленнаго рѣшенія.

Такимъ образомъ, не удовлетворяя потребностямъ рабочихъ, «Egalité» расходилось на всю Францію въ количествахъ 250 или 300 экземпляровъ. Последнее обстоятельство, однако, не повергало редакторовъ «Egalité» въ какія бы то ни было сомнѣнія. Они во всемъ этомъ усматривали только подтвержденіе своего мнѣнія, что, молъ, «французскій рабочій, убавканный буржуазной республикой, видитъ себѣ снокойпо и не слышитъ ихъ проповѣди.» «Реакціонный рабочій элементъ, заговорили они, наконецъ, сосредоточился въ ремесленныхъ синдикатахъ». И съ этихъ поръ была объявлена группой «Egalité», принявшей названіе коллективистовъ-революционеровъ, война рабочимъ синдикатамъ Франціи. Не проходило ни одной конференціи, ни одного собранія, предпринятаго группой «Egalité», на которыхъ не были бы порицаемы и осмѣиваемы рабочіе синдикаты за непониманіе, якобы, ими своихъ интересовъ. Въ требованіяхъ синдикатами свободы сходились, ассоціаціи и свободы слова, коллективисты-революционеры усматривали прощенья республиканскихъ радикаловъ, а агитацию ремесленныхъ обществъ съ цѣлью поднятія задѣльной платы и уменьшенія рабочаго дня революционеры считали стремленіемъ столь постыднымъ, что даже не пускались на собранія по этому поводу въ серьезныя препія, а ограничивались насмѣшками, говоря, что рабочіе синдикаты, «вооруженные знаніемъ политической экономіи», отрицаютъ желѣзный экономическій законъ, признанный Рикардо, Сэемъ, Лассалемъ и другими. состоящихъ въ томъ, что величина задѣльной платы регулируется тѣми потребностями рабочаго, удовлетвореніе которыхъ составляетъ непреложную необходимость для его существованія. Для конкуренціи съ ремесленными синдикатами выдвигались организаціи, основанныя на идейномъ началѣ: кружки изученія социальныхъ вопросовъ (*cercles d'études sociales*) независимые кружки (*cercles indépendants*), которые могли состоять изъ нѣсколькихъ человекъ, людей разныхъ профессій, но единомысленныхъ по социальнымъ вопросамъ. Такіе кружки считали себя — единицами, которые могли представлять рабочій классъ ни чуть не хуже, а то и лучше, чѣмъ какой нибудь ремесленный синдикатъ.

Однако, предпринятый группой «Egalité» способъ пробужденія рабочихъ не принесъ немедленно ожидаемыхъ результатовъ, и газета «Egalité» походила на больного, который ежедневно умираетъ. Передъ каждымъ выходомъ №-ра приходилось бѣгать по знакомымъ и выпрашивать гроши для выпуска номера. Правительство же, какъ на

зло, пропускало безъ вниманія всѣ статьи, печатаемые въ газетѣ. Такое положеніе дѣла сдѣлалось для самихъ редакторовъ «Egalité» несноснымъ. Напечатанъ былъ «article», обратившій на себя вниманіе правительства, за который «Egalité» подверглась судебному преслѣдованію и заплатила 1000 франковъ штрафа, но съ правомъ на дальнѣйшее существованіе. Тогда въ слѣдующемъ номерѣ было объявлено, что такъ какъ «Egalité» существовала на средства рабочихъ, то правительство знало, чѣмъ дохнать неприятно для него газету. Въ силу наложеннаго штрафа, «Egalité» прекращаетъ свое существованіе, но, впрочемъ, не на долго, а поэтому она шлетъ своимъ абонентамъ не «adieu», но «au revoir». Похоронивъ «Egalité», Гадъ пришелъ къ тому заключенію, что причина смерти — отсутствіе организаціи коллективистовъ-революционеровъ, а потому этотъ вопросъ сдѣлался злобой дня въ группѣ «Egalité». Но организовать было, собственно говоря, некого. Если было душъ 30 или 40 сочувствующихъ «Egalité», то и тѣ, съ паденіемъ газеты, замолкли. Явилась непремѣнная необходимость поднять духъ близкавшихъ приверженцевъ и дать ходъ революционному коллективизму. Случай представился.

По случаю всемірной выставки въ Парижѣ было нѣсколько международныхъ съѣздовъ, — и естественно явилась идея и объ устройствѣ такого съѣзда рабочихъ, что было рѣшено и на Лионскомъ конгрессѣ. Въ Парижѣ составила комиссия инициативы для созванія этого конгресса. Правительство Макъ-Магона отнеслось къ этому неодобрительно и объявило, что, на основаніи закона объ Интернаціоналѣ, оно не дозволитъ состояться задуманному конгрессу. Послѣ всякихъ хлопотъ и домогательствъ, синдикаты рѣшились отказаться отъ исполненія своего намѣренія созвать конгрессъ. Тогда коллективисты-революционеры подхватили его и рѣшили созвать конгрессъ во что бы то ни стало. Въ назначенный день делегаты *cercles indépendants* «cercles d'études sociales» и т. д. направлялись къ залѣ засѣданія конгресса и, не доходя до нея, уже были остановлены предупредительными агентами правительства Макъ-Магона и препровождены въ префектуру полиціи. Другіе, увидѣвъ такой исходъ, сами къ залѣ ужъ не подходили, а возвращались по домамъ. Такъ и не состоялся этотъ конгрессъ. По приговору, произнесенному неправительственнымъ судомъ надъ арестованными, Гадъ подвергся шестимѣсячному тюремному заключенію, а остальные — отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ недѣль. По мнѣнію этого каждый подсудимый былъ приговоренъ къ денежному штрафу, сумма котораго составила довольно крупную цифру, а именно 3000 фр. За доставленіемъ этихъ денегъ обратились къ парижскимъ рабочимъ. Эти доставили деньги, но при этомъ высказали, что было бы полезнѣе употребить эту сумму для основанія рабочей газеты, о необходимости которой сообщенія болѣе не было и изданіе которой было постановлено еще первымъ конгрессомъ и подтверждено вторымъ. Два съ половиною года собирались необходимыя средства для такой газеты «Pro-létaire», — а теперь пришлось выбросить 3000 фр. на послѣдствія неудавшейся де-

монстраций против закона об Интернациональ, — единственным результатом которой было то, что ее занесли в свои корреспонденции некоторые репортеры иностранных газет, при чем досужие из них прибавили, что, не смотря на усмирение Коммуны, гидра Интернационала не раздавлена и что Франция находится на краю революции.

Виродожение шестимесячного тюремного заключения Гада пропаганда революционного коллективизма в государственно-коммунистической форме значительно притихла, за немнѣишемъ ораторовъ, ясно понимающихъ, проповѣдь своего вожака.

Между тѣмъ дѣятельность рабочихъ синдикатовъ была в плохомъ ходу, особенно послѣ паденія Макъ-Магона. Поѣздки синдикальныхъ парижскихъ эмиссаровъ в провинции, наконецъ основаніе в Парижѣ давно задуманной рабочей газеты, «Prolétaire», сильно подвинули синдикальное движеніе. По всей Франціи синдикаты дѣятельно готовились къ третьему рабочему конгрессу в Марсель (20—31 октября 1879 г.).

Ожиданіе конгресса оживило также и коллективистов-революционеров, особенно послѣ выхода изъ тюрьмы Гада, который дѣятельно занялся подготовкой делегатовъ на конгрессъ отъ обществъ, находившихся подъ его вліяніемъ. Но малочисленность адептовъ и недостатокъ матеріальныхъ средствъ были для гэдистовъ не малой помѣхой и не предвѣщали имъ большого успѣха на конгрессѣ. И однакожъ на этомъ конгрессѣ приняты были резолюции, которыя, по крайней мѣрѣ по формѣ своей, давали основаніе думать, будто представители большинства организованныхъ рабочихъ, раздѣляютъ мнѣнія именно гэдовскаго кружка. Такой поводъ подали особенно постановленія о названіи на будущее время рабочихъ конгрессовъ социалистическими и о признаніи коллективной собственности единой справедливой основой социальнo-экономической жизни.

Между тѣмъ, присмотрѣвшись внимательно къ докладамъ и рѣчамъ, произнесеннымъ на Марсельскомъ конгрессѣ, мы увидимъ, что согласіе даже по этимъ вопросамъ между представителями рабочихъ синдикатовъ и революционерами—государственными коммунистами не только явилось болѣе в отвлеченной формулировкѣ вопросовъ, нежели в пониманіи ихъ реальныхъ подробностей, но было в значительной степени результатомъ недоразумѣній, при неуклюжемъ скрѣпѣ парижскимъ кружкомъ государственныхъ коммунистовъ отъ представителей рабочихъ синдикатовъ Франціи своихъ самыхъ характеристическихъ, основныхъ идей и стремленій. Вотъ почему, между прочимъ, Марсельскій конгрессъ, вмѣсто того чтобы возвѣститъ, какъ обѣщали в свое время многіе, близкое, дружное дѣйствіе рабочихъ массъ Франціи съ цѣлью доставить торжество идеаламъ коллективизма, — былъ исходною точкою раздѣленій в рабочихъ массахъ, раздѣленій, которыя и до сихъ поръ мѣшаютъ организационно во Франціи сколько нибудь сильной рабочей политической партіи, которой появленія можно было ждать послѣ Лионскаго рабочаго конгресса. — Для доказательства этихъ

нашихъ мыслей, обратимся къ нѣскольکو подробно разсмотрѣннѣмъ преніямъ на Марсельскомъ конгрессѣ.

Делегатовъ на Марсельскомъ конгрессѣ было 130. Значительное большинство изъ нихъ были посланы рабочими синдикатами; остальные представляли разныя рабочія общества, между которыми было одно женское общество, 2 cercles indépendants d'études socialistes de Paris и 2 cercles d'études sociales de Marseille.

На первомъ собраніи Ломбаръ, секретарь организационной коммисіи доложилъ, что коммисія сочла нужнымъ разослать по всей Франціи манифестъ о конгрессѣ в числѣ 20000 экземпляровъ и в этомъ манифестѣ объяснить, что на конгрессѣ будутъ разсмотрѣны вопросы, касающіеся улучшенія положенія рабочаго класса и средства, необходимыя для достиженія этой цѣли, — «средства практическія и мирныя». Затѣмъ Ломбаръ, изложивъ программу записей конгресса, заключилъ: «Мы желаемъ равенства для всѣхъ и свободы для каждаго. Мы требуемъ переменъ экономического строя, столь тягостнаго для производителей. Но мы признаемъ, что только знаніе и наука, в помощь съемуемымъ опытомъ, приведутъ насъ къ этой цѣли. Мы думаемъ, продолжаетъ онъ, что если суждено быть революціи, то намъ слѣдуетъ приготовить ее сначала в умахъ массы и организовать ее экономически и политически. Безъ этого все окончится обманомъ и разочарованіемъ. Пролетаріатъ долженъ обособиться в отдѣльную политическую партію, дабы имѣть возможность требовать коренныхъ реформъ». В заключеніе Ломбаръ внесъ на утвержденіе конгресса слѣдующее мотивированное предложеніе:

«Принимая во вниманіе, что Марсельскій конгрессъ состоитъ исключительно изъ рабочихъ, собравшихся съ спеціальной цѣлью выясненія своихъ правъ и интересовъ; что экономическія условія, в которыхъ поставлены рабочій классъ, отдѣляютъ ихъ отъ другихъ классовъ рѣзкой границей, выясняющейся в особенности изученіемъ и постановкой общественныхъ задачъ и теорій, предметъ которыхъ—эмансипація рабочаго класса, — мы предлагаемъ, чтобы рабочіе конгрессы Франціи назывались: рабочіе социалистическіе конгрессы».

Конгрессъ единогласно рѣшилъ принять это предложеніе. Припомнимъ дебаты и рѣшенія первыхъ двухъ конгрессовъ, мы найдемъ, что это постановленіе конгресса соответствовало общему настроенію членовъ и этихъ конгрессовъ, которые, однакожъ, какъ мы видѣли, были очень далеки отъ революціоннаго государственнаго коммунизма. Что члены конгресса, принимая тутуль социалистовъ, вовсе еще не становились ни на исключительно коллективистическую точку, ни, тѣмъ болѣе, на революціонную, да еще централистическую, — объ этомъ могутъ намъ засвидѣтельствовать мнѣнія и требованія, высказанныя вслѣдъ затѣмъ ораторами конгресса.

На первомъ же подготовительномъ собраніи Nonorgue, делегатъ изъ Гавра, представилъ программу требованій своихъ доверителей. Вотъ ея главныя пункты: 1, свобода

ассоціацій, сходокъ и печати, 2, необходимость обязательнаго, свѣтскаго и интегральнаго (всесторонняго) первоначальнаго образованія, 3, пересмотръ законовъ о приюдахъ, 4, уничтоженіе рабочей книжки, 5, сокращеніе воинской повинности на 3 года и обязательность ея для всѣхъ.

Lourdon, делегатъ изъ Монпелье, отъ имени земледѣльцевъ, заявилъ на томъ же собраніи, что филоксера нанесла громадные убытки земледѣльцамъ той мѣстности, что въ одной коммуны, гдѣ было до появленія филоксеры 4480 гектаровъ виноградниковъ, в настоящее время осталось всего на всего 320. — Для уничтоженія этого бича земледѣльцамъ не достаетъ воды, а поэтому они проектировали открытіе канала Dupon. Но исполненіе этой работы не возможно безъ рѣшенія палаты депутатовъ. Пока же палата будетъ пережевывать этотъ проектъ, погибнутъ и послѣдніе 320 гектаровъ виноградниковъ, чего, конечно, не случилось бы при автономіи коммуны.

По вопросу о рабочихъ синдикатахъ делегатъ Aiglon заявилъ, что слѣдуетъ пользоваться правительственной терпимостью, снѣшить рабочимъ соединиться в общества и энергично начать требовать уничтоженія стѣснительныхъ законовъ. Онъ приводитъ в примѣръ одно рабочее общество в Лионѣ, которое существуетъ всего 6 лѣтъ, но имѣетъ уже 5000 членовъ и 81000 фр. в кассѣ общества. «А почему, спрашиваетъ делегатъ, мы видимъ такой успѣхъ? Да потому, что общество преслѣдуетъ цѣль, близкую для всякаго рабочаго, а именно: вспоможеніе рабочимъ инвалидамъ. Граждане, мы тогда только приобретаемъ нужную для насъ свободу, когда всѣ рабочіе Франціи будутъ соединены между собою, тогда только мы будемъ имѣть и республику демократическую и социальную». Cinquin, делегатъ синдиката картонныхъ издѣлій в Парижѣ, говоря о необходимости рабочимъ организоваться в синдикаты, прибавляетъ: «рабочіе синдикаты представляютъ школу для социализма, в которой рабочій учится защищать свои интересы и готовится участвовать в той великой коллективной ассоціаціи, гдѣ и капиталисты должны будутъ жить эквивалентомъ производимыхъ ими продуктовъ. Нѣкоторые граждане думаютъ, продолжаетъ ораторъ, что мы достигнемъ этого только посредствомъ матеріальной, грубой силы. Да позволятъ мнѣ не раздѣлять этого мнѣнія. Мы уже видѣли, къ чему служатъ революціи, когда масса не подготовлена и не организована; успѣхи ихъ слишкомъ кратковременны. Разъ буржуазія оправлялась, она быстро уничтожала ихъ. Но когда рабочій классъ будетъ организованъ и пройдетъ извѣстный воспитательный періодъ, тогда онъ в состояніи будетъ приступить къ организационной коллективной собственности. Да, граждане, намъ надо добиться свободы ассоціацій для того, чтобы рабочіе синдикаты могли федеризоваться между собою и, такимъ образомъ, противопоставить арміи капитала — армію труда. И это мы должны достигнуть безъ насилія, в противномъ случаѣ мы будемъ отброшены назадъ лѣтъ на 30».

Финансъ, маляръ по ремеслу, делегатъ своего синдиката, говоря о недостаткахъ ра-

бочихъ синдикатовъ, указываетъ на одинъ важный изъ нихъ, а именно, что инициаторы и руководители синдикатовъ убѣдили членовъ ихъ въ самомъ скоромъ наступлении «золотого времени», что, разумеется, оказалось пріятной иллюзіей. По его мнѣнію, рабочіе синдикаты должны преслѣдовать только тѣ реформы матеріальныя, умственныя и нравственныя, которыми можетъ воспользоваться вся корпорация ремесла, не исключая даже и тѣхъ членовъ ея, которые не вошли въ составъ рабочаго синдиката. «Усовершенствоваться практически настоящее, говорить Финансъ, вырабатывая въ то же время идеалъ будущаго, — вотъ настоящая задача для рабочихъ синдикатовъ, плохо нами до сихъ поръ понимаемая. Взгляните! едва мы въ общихъ чертахъ намѣтили общественный идеалъ, какъ уже, теряя изъ виду настоящее положеніе, думаемъ, что находимся у цѣли и упускаемъ изъ виду великій факторъ всѣхъ реформъ, — время. А между тѣмъ, продолжаетъ онъ, предположить ли такъ, какъ коммунисты и коллективисты, по мнѣнію которыхъ рѣшеніе вопроса зависить отъ начатіи нѣсколькихъ декретовъ о собственности въ «Official» на другой день захвата власти, — или какъ кооперативисты, думающіе доставить капиталъ рабочимъ посредствомъ малыхъ сбереженій изъ задѣльной платы, накопленныхъ въ продолженіе долгаго времени; предположить ли, какъ позитивисты, по мнѣнію которыхъ владѣніе рабочими капиталомъ не есть необходимое условіе для разрѣшенія соціального вопроса, что достаточно пролетариату съорганизоваться въ огромную лигу контроля и надзора, чтобы заставить богатыхъ и подрядчиковъ признать права рабочихъ, — какой бы изъ этихъ теорій ни придерживаться, не надобно забывать, однако, что для осуществленія каждой изъ нихъ нуженъ извѣстный промежутокъ времени, дабы ея произошло хотя извѣстное меньшинство, соединенное общностью мнѣній, чувствъ и правотъ, — условіе, безъ котораго успѣхъ немислимъ. Необходимо, чтобы рабочіе синдикаты представляли нейтральную почву, гдѣ бы каждая теорія, каждая система могла безпристрастно быть рассмотрѣна и обсуждаема».

Весьма интересно также мнѣніе Финанса, какъ рабочаго, объ организаціи труда. «Какимъ бы усовершенствованіемъ мы ни достигли, но, по всей вѣроятности, мастерская не въ состояніи будетъ обходиться безъ начальника, — безъ директора: управленіе и исполненіе суть двѣ функціи, которыя не могутъ выполняться однимъ и тѣмъ же лицомъ, въ особенности въ индустріи, которая съ каждымъ днемъ усложняется. Слѣдовательно, какой бы способъ ни былъ примѣненъ въ будущемъ для изъбраія шефа, директора, управителя, во всякомъ случаѣ прійдется опредѣлить отношенія начальниковъ къ рабочимъ и наблюдать за законнымъ выполненіемъ правилъ».

Много рѣчей и преній было подробно и довольно только изложено по вопросу о синдикатахъ рабочими делегатами и, если они страдаютъ подчасъ недостаткомъ научной подготовки или односторонностью, то зато проникнуты искреннимъ желаніемъ выяснитъ истину и высказываютъ глубокий практический смыслъ.

Вслѣдъ за вышеприведенными ораторами выступить на трибуну одинъ изъ гѣдистовъ, Фурньеръ, делегатъ отъ «groupes socialistes indépendants de Paris», и въ нѣсколькихъ словахъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: «Отъ имени коллективистовъ (какихъ? централитовъ-государственниковъ или федералистовъ-коммуналистовъ?) революціонеровъ я заявляю, — что синдикаты должны быть центрами пропаганды нашей общей цѣли (какой?), дабы имѣть возможность произвести революцію въ умахъ, которая должна предшествовать соціальной революціи (какой?). Она отдастъ землю — крестьянину, а инструменты — рабочему» (декретомъ сверху, или иначе?) Послѣ обстоятельныхъ, откровенныхъ рѣчей предыдущихъ рабочихъ ораторовъ, вотъ какими неясными выраженіями ограничилось гѣдисты въ вопросѣ о синдикатахъ.

Конгрессъ, — принявшій названіе «соціалистическаго», — принялъ слѣдующія утѣренныя постановленія по вопросу о синдикатахъ:

Обязанности синдикальныхъ камеръ должны быть: 1) надзоръ за учениками въ мастерскихъ; 2) посредничество при переговорахъ съ патронами для избѣжанія стачекъ; 3) организація касъ вспоможенія на случай безработицы, болѣзни и старости; 4) организація профессиональныхъ курсовъ; 5) настоятельные требованія уничтоженія законовъ, стѣсняющихъ свободу ассоціацій.

Н. Жебуневъ.

НОВЫЙ ПРОЕКТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦІАЛИЗМА.

(Die Kartelle. Ein Beitrag zur Frage der Organisation der Volkswirtschaft. Von Friedrich Kleinwächter, Prof. der Staatswissenschaften an der Universität Czernowitz. Innsbruck. 1883).

Къ числу обстоятельствъ, доказывающихъ необходимость серьезныхъ экономическихъ преобразованій въ современномъ обществѣ, относятся и многозначительный фактъ необыкновеннаго разстройства за послѣдніе года литературы по соціальному вопросу. Первое мѣсто тутъ принадлежитъ Германіи, отечеству катедры-соціализма. Нигдѣ не сочиняется такого множества проектовъ экономическихъ реформъ, нигдѣ нѣтъ столько талантливыхъ и дѣльныхъ представителей разныхъ отѣнковъ консервативнаго, религіознаго, реакціоннаго (не говоря уже про революціонный) и при томъ всегда «государственнаго» соціализма, — какъ въ Германіи. Личности въ родѣ Родбертуса, Шэфле, Кеттелера, Муфалга, Вагнера и т. п. находятъ себя среди общественныхъ дѣятелей другихъ странъ лишь весьма немногія, да и то болѣе блѣдныя аналогіи и должны, поэтому, считаться специфическими продуктами чисто германской культуры. Не входя здѣсь въ разборъ и перечисленіе причинъ этого явленія, коренящихся, конечно, въ совокупности политико-экономическихъ и иныхъ условій германскаго быта, укажемъ только на одно обстоятельство, которое, хотя тоже есть послѣдствіе только что упомянутыхъ условій, но, играетъ, какъ намъ кажется, и роль самостоятельнаго фактора въ сильномъ броженіи общественной мысли, пронесшемъ въ Германіи въ сферѣ экономическихъ вопросовъ. Мы говоримъ о своеобразномъ складѣ

нѣмецкаго ума, въ которомъ образцовая основательность, философское глубокоемысліе и возвышенный идеализмъ страннымъ образомъ сочетались съ культомъ государственной власти, доходившимъ до обожанія чиновничества. Въ этомъ отношеніи нѣмцы рѣзко отличаются отъ другаго народа, ничѣмъ не уступающаго имъ въ трезвости, пытливости и научно-философскомъ закалѣ мысли, — отъ англичанъ и вообще англо-саксовъ.

Англичанинъ любитъ свободу; онъ требуетъ полнаго простора для индивидуальныхъ вкусовъ и инициативъ. Какъ врагу всякой правительственной опеки, ему идеалъ государства рисуется не въ образѣ добраго и мудраго наставля, гонящаго челоуѣческое стадо по пути прогресса, но въ видѣ прикащика общества — ревностной, честной и скромной администраціи, послушно исполняющей волю народа. Общество для него не машина — слѣное орудіе посторонней воли, а живой организмъ, развивающійся и растущій только благодаря развитію и росту всѣхъ своихъ частей. Машину можно выдумать и построить много, но и инженерно-техническій изобрѣтатель не въ состояніи создать даже самой простой кѣлочкы. Можно только благопріятствовать развитію организмовъ, ставя ихъ въ подходящіе условія, главное же — устраняя всѣ моменты, дѣйствующіе вреднымъ, задерживающимъ образомъ на свободный ростъ ихъ частей. Примѣняя этотъ взглядъ къ соціализму и его задачамъ, окажется въ высокой степени труднымъ и даже невозможнымъ предпринять во всѣхъ подробностяхъ ходъ экономическихъ превращеній или начертать такую программу всеобщей радикальной перестройки общества, которая могла бы быть осуществлена силою правительственнаго принужденія. Все, что можно сдѣлать, это заняться развѣ проектами болѣе частныхъ реформъ или дать общую формулу соціально-экономическаго прогресса, суть которой будетъ сводиться, съ одной стороны, къ возможному минимуму государственнаго вмѣшательства, а съ другой — къ самодѣятельности общества и, въ особенности, — такъ какъ рѣчь идетъ о соціализмѣ — къ политической и экономической самодѣятельности рабочихъ.

Съ точки зрѣнія нѣмецкаго культа власти и чиновничества дѣло представляется въ иномъ свѣтѣ. Такъ какъ для нѣмцевъ главнымъ орудіемъ челоуѣческаго прогресса является элементъ правительственнаго принужденія, то для нихъ соціальный вопросъ обыкновенно сводится къ выработкѣ опредѣленнаго плана преобразованія всего общества по одному образцу — плана, который всемогущее государство взялось бы осуществить на практикѣ. Такихъ плановъ можно придумать великое множество и, дѣйствительно, они въ изобиліи сочиняются въ Германіи. Къ нимъ принадлежитъ и проектъ государственнаго соціализма профессора Kleinwächter'a, на которомъ мы охотно останавливаемся, потому, между прочимъ, что въ основаніи его лежить весьма интересное явленіе, до сихъ поръ — на сколько намъ извѣстно — еще не отмѣченное въ экономической литературѣ. Это такъ называемыя «картеллы» или свободные договоры, заключаемые между фабрикантами, заводчиками и вообще крупными предпринимателями для регулированія извѣст-

ной отрасли промышленности сообразно съ существующими въ данный моментъ условіями и для устранения этимъ путемъ избыточнаго производства (surproduction) и губительной для предпринимателей взаимной конкуренціи ихъ другъ съ другомъ.

Узнавъ о существованіи картеллей, Kleinwächter вошелъ въ переписку со многими членами ихъ и получилъ отъ нихъ подробныя свѣдѣнія объ организаціи и способахъ дѣйствія этихъ учрежденій, которыхъ онъ и сообщаетъ въ своей брошюрѣ.

Есть пять главныхъ разновидностей картеллей.

Первую разновидность составляютъ картелли, регулирующие количество фабrikата. Предприниматели постановляютъ, сколько вообще можетъ быть произведено фабrikата въ теченіе года и распределяютъ это общее количество между заводами или фабриками, сообразуясь съ ихъ производительной силой, размѣрами и пр. Въ этомъ случаѣ предприниматели не должны производить въ теченіе года болѣе извѣстнаго максимума фабrikата, но цѣны на свои продукты они могутъ назначать произвольно высокія или низкія.

Ко второй разновидности принадлежатъ картелли, регулирующие цѣну продуктовъ. Назначается минимальная цѣна продукта, ниже которой фабриканты не должны спускаться, но всякій предприниматель можетъ производить какое угодно количество фабrikата. Такая картелль, опредѣляющая минимумъ цѣны, ведетъ, конечно, и къ ограниченію производства косвеннымъ путемъ, ибо извѣстная цѣна только тогда можетъ удержаться, если на рынкѣ не будетъ слишкомъ большого количества продуктовъ.

При картелляхъ третьей разновидности (онѣ главнымъ образомъ заключаются собственниками желѣзоплавильныхъ заводовъ) опредѣляется какъ общее количество фабrikата, такъ и минимальная цѣна продуктовъ.

Картелли четвертой разновидности называютъ извѣстную географическую область для продажи товаровъ, въ которой фабриканты не должны сбывать свои продукты. Такія картелли были заключены въ большомъ числѣ при переходѣ Эльзаса и Лотарингии къ Пруссіи. Нѣмецкіе фабриканты, опасаясь конкуренціи эльзасскихъ и лотарингскихъ, заключили съ ними условіе, по которому обязались не сбывать своихъ товаровъ въ Эльзасъ и Лотарингію, взаменъ чего эльзасцы и лотарингцы не должны были посылать свои продукты въ Германію. Подобная же картелль заключена между фабрикантами зеркала Франціи и Англіи, между обладателями цинковыхъ коней въ Силезіи и въ Vielle Montagne (на бельгійской границѣ).

Самымъ совершеннымъ видомъ картелли является пятый, при которомъ заказы распределяются между фабриками и заводами равномерно, такъ чтобы ни одинъ предприниматель не оставался безъ работы или, наоборотъ, не былъ заваленъ слишкомъ большимъ количествомъ заказовъ. Это предполагаетъ непремѣнно организацію центрального учрежденія или бюро, заведующаго распределеніемъ заказовъ и пр., т. е. самый полный стоворъ фабрикантовъ, промышленную ассоціацію ихъ. Картелли этого рода (ихъ чаще всего заключаютъ фабриканты локомо-

тивовъ) наблюдаются вообще очень рѣдко. Причина тому лежитъ во многихъ обстоятельствахъ, мѣшающихъ стовору предпринимателей. Разница въ величинѣ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ не допускаетъ абсолютно-равнаго распределенія работы, но требуетъ распределенія пропорціональнаго, для котораго необходима полная откровенность со стороны предпринимателей. Предприниматели должны сообщить всѣ малѣйшія подробности относительно величинъ своихъ помѣщеній, числа рабочихъ, устройствъ машинъ, способовъ производства и пр. и пр., т. е. такія вещи, которыя они, въ виду взаимной конкуренціи, обыкновенно тщательно скрываютъ другъ отъ друга. Наконецъ, тутъ необходимъ строгій контроль для того, чтобы дѣйствительно соблюдались всѣ рѣшенія центрального бюро. Понятно послѣ этого, что пятая разновидность картелли встрѣчается не только очень рѣдко, но что она обыкновенно ограничивается весьма узкимъ географическимъ райономъ.

По словамъ Kleinwächter'a, большинство картеллей, существующихъ въ настоящее время въ Германіи и Австріи, возникло послѣ «большаго краха» 1873 года, и врядъ ли есть теперь такая отрасль крупной промышленности, въ которой не было бы картеллей. Большое число картеллей заключено между владельцами желѣзоплавильныхъ заводовъ, угольныхъ и другихъ коней; между банкирами, директорами театровъ, желѣзно-дорожными компаниями, фабрикантами локомотивовъ, пивоварами; въ бумажномъ, стеклянномъ, ткацкомъ производствѣ и пр. и пр.

Многіе фабриканты отзываются очень хорошо о картелляхъ и утверждаютъ, что онѣ вліяютъ самымъ благоприятнымъ образомъ на промышленность, умѣряя конкуренцію предпринимателей и тѣмъ спасая не одну предпріятіе отъ грозившей ему гибели. Но авторъ приводитъ и противоположные отзывы, указывающіе на вредныя (для фабрикантовъ) стороны картеллей. Главная жалоба на картелли заключается въ томъ, что онѣ приносятъ пользу только наиболѣе богатымъ и извѣстнымъ предпринимателямъ. Когда цѣны продуктовъ на разныхъ фабрикахъ бываютъ различны — что наблюдается, какъ извѣстно, очень часто — то наименѣе состоятельный покупатель покупаетъ тамъ, гдѣ существуетъ наименьшая цѣна, и только покупатель богатый, заботящійся не столько о дешевизнѣ, сколько о добротѣ качества продукта, охотно покупаетъ на фабрикахъ, гдѣ цѣна фабrikата сравнительно высока. Съ другой стороны, промышленное предпріятіе, плохо представленное въ техническомъ отношеніи или новое, часто въ состояніи пріобрѣсти себѣ кліентовъ только въ томъ случаѣ, если удовлетворится небольшимъ барышомъ и назначитъ возможно низкія цѣны на свои продукты. Когда же, въ силу картелли, для всѣхъ фабрикъ установится одинаковая цѣна на продукты, то заказчики начнутъ обращаться предпочтительно къ наиболѣе извѣстнымъ и крупнымъ фабрикантамъ, дѣла которыхъ отъ того еще болѣе улучшатся — въ ущербъ остальнымъ предпринимателямъ. Легко понять, что всѣ эти упреки могутъ относиться только къ несовершеннымъ видамъ картелли, а не къ пятой разновидности ея, при которой ор-

ганизация предпринимателей въ правильную ассоціацію должна гарантировать строгое соблюденіе интересовъ всѣхъ участвующихъ въ ассоціаціи. Но такія картелли могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, отзываться самымъ вреднымъ образомъ на потребителяхъ и рабочихъ, если, напр., фабриканты злоупотребятъ своимъ союзомъ для чрезмѣрнаго ограниченія производства съ цѣлью назначенія необыкновенно высокихъ, монопольныхъ цѣнъ на свои фабrikаты. Авторъ сообщаетъ, что всѣ компетентные люди, съ которыми онъ велъ переписку о картелляхъ, отрицали существованіе этой опасности, ссылаясь на крайне непрочный, временной характеръ картеллей, на отсутствіе среди предпринимателей всякой преданности корпоративнымъ интересамъ и надлежащей взаимной дисциплины, вслѣдствіе чего фабриканты часто нарушаютъ заключенныя ими условія и выходятъ изъ картелли, когда видъ послѣдней имъ представляется возможностью увеличить свои барыши.

Принявъ во вниманіе, что у фабрикантовъ уже давно выработался обычай заключать между собою временные договоры или союзы для болѣе усилѣнной борьбы съ рабочими, для сопротивленія требованіямъ рабочихъ относительно увеличенія ихъ заработной платы, сокращенія часовъ подневнаго труда и т. п. и что такіе союзы, называемые обыкновенно look-ut'ами или стачками патроновъ, прекрасно характеризуютъ и узко-личное, хищническое стремленіе картеллей, къ которымъ ихъ можно смѣло отнести въ качествѣ шестой, наиболѣе распространенной разновидности — принявъ все это во вниманіе, можно, казалось бы, только радоваться тому, что картелли (въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ теперь, т. е. какъ исключительно предпринимательскія организаціи) возникаютъ вообще сравнительно рѣдко, что онѣ отличаются обыкновенно непрочною и кратковременностью и, въ особенностн, что нѣтъ, наиболѣе опасная ихъ разновидность не достигаетъ полного развитія, сохраняетъ чисто мѣстный характеръ и не можетъ, захвативъ обширныя области, превратиться въ организацію производства на основаніяхъ предпринимательскаго монопола. Но авторъ приходитъ какъ разъ къ обратному заключенію.

Онъ желаетъ, чтобы государство всячески поощряло картелли; чтобы оно официально признало бы, узаконило и упрочило ихъ, придавъ обязательную силу условіямъ, заключаемымъ между фабрикантами. Государство должно, словомъ, организовать картелли и, при помощи ихъ, организовать все производство въ рядъ громадныхъ монопольныхъ предпріятій. По мнѣнію автора, эти картелли были бы для нашей эпохи тѣмъ, чѣмъ для среднихъ вѣковъ были цехи. Подобно цехамъ, картелли регулировали бы производство, соразмѣряли бы его съ потребностями данной минуты, т. е. устраняли бы какъ избыточное, такъ и недостаточное производство и равномерно распределяли бы работу между предпринимателями. Государство назначало бы цѣны продуктовъ, сообразуясь съ интересами какъ фабрикантовъ, такъ и потребителей и рабочихъ. Чтобы держать въ рукахъ картелли, въ распоряженіи государства были

бы два пугала, два могущественныя средства: система концессій, т. е. право позволять, рядомъ съ привилегированными картеллями, новыя промышленныя предпріятія, и, во вторыхъ, таможенный тарифъ, при помощи котораго правительство могло бы во всякое время и въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ нужно, отдавать картелли на жертву иностранной конкуренціи. Ограждая фабрикантовъ отъ предпринимательскаго риска и вреднаго соперничества другъ съ другомъ, государство потребовало бы, чтобы и они, въ свою очередь, обезпечили рабочихъ, а именно слѣдующимъ образомъ:

1. Пожизненнымъ наймомъ рабочихъ.
2. Назначеніемъ имъ достаточнаго минимума заработной платы.
3. Призваніемъ за ними права повышенія «по службѣ», т. е. полученія высшихъ и лучше оплачиваемыхъ «мѣстъ», смотря по заслугамъ.
4. Постепеннымъ увеличеніемъ «жалованья» (черезъ каждыя пять или десять лѣтъ—какъ у государственныхъ чиновниковъ) тѣмъ рабочимъ, которыхъ, почему нибудь, нельзя повысить «по службѣ».
5. Учрежденіемъ пожизненныхъ пенсій для инвалидов и рабочихъ, отслужившихъ свой срокъ службы.
6. Учрежденіемъ такихъ же пенсій для вдовъ и сиротъ рабочихъ.

Словомъ, рабочіе должны быть поставлены въ такое положеніе, въ которомъ находятся, какъ выражается Kleinwächter, «слуги государства».

«Этимъ, замѣчаетъ авторъ, у рабочихъ было бы отнято всякое основаніе къ недовольству и жалобамъ и устранена возможность революціонной агитаціи между ними, потому что ничего лучше такого скромнаго, но обезпеченнаго вполне положенія не могло бы дать имъ и «народное государство» — Volksstaat—соціально-демократовъ».

Таковъ прозектъ—въ своемъ родѣ довольно оригинальный и смѣлый—всеобщаго очинившенія рабочихъ, превращенія ихъ въ «слугъ государства» подъ двойной налкой правительсва и патроновъ, придуманный нѣмецкимъ (собственно австрійскимъ, по разницы тутъ большой нѣтъ) профессоромъ «государственныхъ наукъ».

Во всякомъ случаѣ, картелли, о которыхъ повѣствуетъ Kleinwächter, явленіе весьма интересное, доказывающее намъ ad oculos нецѣльность прославленія благу всеобщей, безграничной конкуренціи. Современное «анархическое» (какъ его, въ инку анархистамъ, любятъ называть соціально-демократы) состояніе производства съ его періодически-возвращающимися промышленными кризисами есть только естественное послѣдствіе полнаго отсутствія всякой организаціи народнаго хозяйства. Ходъ производства опредѣляется теперь не потребностями общества, а смертельной борьбой другъ съ другомъ предпринимателей изъ «за барышей». Фабриканты не имѣютъ обыкновенно никакого представленія о размѣрахъ въ обществѣ годовой потребности въ ихъ продуктѣ, о томъ, сколько подобныхъ же продуктовъ кончатся въ складахъ разныхъ частей свѣта, терпѣливо ожидая себя покупателей, или сколько ихъ производителей въ теченіе года на другихъ фабрикахъ и заво-

дахъ. Такимъ образомъ, при регулированіи своего производства, предприниматель можетъ руководиться только состояніемъ спроса на свой товаръ въ данный моментъ. Если спросъ этотъ значителенъ, то предприниматель снѣшитъ какъ можно скорѣе и какъ можно больше увеличить количество фабрикаата, чтобы раньше другихъ успѣть воспользоваться благоприятнымъ для него состояніемъ рынка. Но такъ какъ онъ не одинъ, такъ какъ, рядомъ съ нимъ, точно такъ же поступаютъ и всѣ его собраты, то неизбежно является чрезмѣрное производство, а за нимъ—кризисы, крахи, раззореніе многихъ фабрикаторовъ и лишеніе работы большаго числа рабочихъ. Существованіе картеллей показываетъ, что сами предприниматели начинаютъ теперь сознать несостоятельность знаменитой теоріи laissez faire, laissez passer, которая прежде именно между ними находила своихъ наиболее горячихъ защитниковъ. Кроме того, картелли, чтобы ни говорили Kleinwächter и авторитарные социалисты—доказываютъ, по нашему мнѣнію, что организація народнаго хозяйства возможна далеко не однимъ путемъ государственнаго принужденія, но также и посредствомъ саморегулированія производства. Въ нѣкоторой мѣрѣ подобное саморегулированіе представляютъ и картелли, вся несостоятельность которыхъ заключается, какъ мы думаемъ, не въ отсутствіи надъ ними государственнаго протектората, а въ томъ, что это союзы однихъ фабрикантовъ, преслѣдующіе исключительно выгоды фабрикантовъ и что имъ, въ сущности, дѣла нѣтъ ни до общества, ни до потребителей, ни до рабочихъ.

Настоящимъ саморегулированіемъ производства было бы такое, которое достигалось бы посредствомъ сговора не «предпринимателей», по «производителей», т. е. рабочихъ, и прямой путь къ этому сговору, къ «цехамъ» будущаго—широкая и совершенно самостоятельная корпоративная организація рабочихъ.

Въ концѣ своей брошюры Kleinwächter затрогиваетъ и аграрный вопросъ. Указавъ на плодотворную и несомнѣнно вѣрную идею, лежавшую въ основаніи средневѣковыхъ поземельныхъ отношеній (только, къ сожалѣнію, затемненную и подавленную многими другими средневѣковыми порядками), по которой земля, вслѣдствіе своего первостепеннаго значенія для общества, должна быть собственностью не индивидуальной, но коллективной, авторъ развиваетъ эту идею подробно и доказываетъ необходимость вернуться къ ней и въ настоящее время. Онъ прекрасно выясняетъ своеобразный характеръ земельной ренты и отличіе земли отъ всѣхъ другихъ видовъ богатства (она не создается, какъ фабричные продукты и пр., руками человека и количество ея не можетъ быть ни уменьшено, ни увеличено). Онъ говоритъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, о громадности ипотечнаго долга, тяготящаго на ихъ земляхъ, о постоянномъ дробленіи участковъ при переходѣ по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ и останавливается на разсмотрѣніи проекта Lorenz'a v. Stein'a (см. *Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft*. Stuttgart, 1881), совѣтующаго среднимъ и мелкимъ землевладѣльцамъ каждой общины, не отказываясь отъ права собственности на свои

участки, сложить ихъ вмѣстѣ въ одно большое имѣніе и вести въ немъ хозяйство на ассоціаціонныхъ началахъ при помощи усовершенствованныхъ машинъ. При этомъ общины должны взять на себя всѣ ипотечныя долги, накопившіяся на поземельной собственности, а новыя долги этого рода землевладѣльцы могутъ заключать только съ разрѣшенія тѣхъ же общинъ. Признавая осуществленіе этого плана полезнымъ, Kleinwächter счтаетъ его только этапомъ по пути къ болѣе радикальному преобразованію поземельныхъ отношеній, къ которому, по его мнѣнію, въ концѣ концовъ придется обратиться обществу—именно, къ переходу земли въ коллективную собственность общинъ, областей или государства.

Вообще Kleinwächter тутъ развиваетъ—очень живо, убѣдительно и въ нѣкоторой степени оригинально—тѣ же самыя мысли, которыя высказали Генри Джорджъ и другіе сторонники «націонализаціи земель». Это самая лучшая и наиболее симпатичная глава брошюры—потому, можетъ быть, что авторъ, ограничившись общими соображеніями, не пустился въ составленіе подробнаго проекта націонализаціи земли, который принялъ бы у него, вѣроятно, тотъ же чиновничій характеръ, какъ и прозектъ предпринимательскихъ картеллей подъ эгидой государства.

В. Г.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

Работа и препятствія по народному образованію.

II.

Кромѣ изложенныхъ въ предидущемъ №-рѣ, другія земскія ходатайства по нар. образованію касаются расширенія объема нынѣ дѣйствующихъ программъ преподаванія, при чемъ особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что большая часть этихъ ходатайствъ имѣетъ въ виду введеніе въ программы, между прочимъ, и извѣстной доли политическаго образованія. Уржумское (Вятск. губ.) уѣздное земское собраніе признало, что, при настоящихъ программахъ обученія, народныя школы даютъ учащимся очень мало свѣдѣній и что очень было бы желательно, чтобы въ народныхъ школахъ дѣти получали также свѣдѣнія по сельскому хозяйству, ремесламъ и крестьянскому управленію; кромѣ того, земское собраніе, проектируя четвертый годъ обученія въ народныхъ школахъ, нашло необходимымъ изученіе въ этомъ году дробей, измѣренія площадей и объемовъ, краткой отечественной исторіи и географіи, простѣйшихъ явленій природы, основаній гігіены, сельскаго хозяйства и промысловъ и законоположеній о крестьянскомъ управленіи. О разрѣшеніи всего этого земство постановило ходатайствовать передъ правительствомъ*). Совершенно такое же ходатайство рѣшено и казанскимъ губ. земскимъ собраніемъ. Александрійское (херс. губ.) уѣздное з. собраніе постановило ходатайствовать о включеніи въ программы земскихъ школъ ознакомленія учащихся съ гражданскими правами и обязанностями крестьянъ и назначенію

*) Нужно быть подданнымъ Россійской имперіи для того, чтобы имѣть даже возможность подобныхъ ходатайствъ. Россія единственное государство въ мірѣ, гдѣ правительство устанавливаетъ не извѣстный минимумъ знаній, а максимумъ, переходить за который народнымъ школамъ запрещается.

премию за составление популярного руководства по этому предмету. Отчасти в связи с предыдущими ходатайствами, отчасти вопли самостоятельными, являются некоторые, уже упомянутые нами, ходатайства о предоставлении земствам права самостоятельно выбирать учебники и книги для школьного чтения из числа одобренных общесоюзной цензурой государства. В этих ходатайствах заключается весьма понятный протест против известных министерских распоряжений, ограничивающих земские школы употреблением только тех учебников и народных книг, которые одобрены особым комитетом, состоящим при Мин. Н. Пр. Наконец, мы упоминали уже также и о нескольких ходатайствах, касающихся среднего и высшего образования, между прочим, Харьковского Технологического Института и СПб. Высших Женских Медич. Курсов.

Само собою разумеется, что о шансах успеха всех этих ходатайств, при существовании нынешних порядков в России, нечего и говорить... Для нас эти ходатайства важны только в том смысле, что они дают понятие о стремлениях и desiderataх земств, насколько они выразились в решениях последних сессий. Что же касается судьбы самых ходатайств, то она известна уже как из предыдущих опытов в течение 18 лет, так и из напечатанного в газетах полу-официального сообщения о том, что по представлению мин. внутр. д. ходатайства эти будут «иметься в виду» министерством нар. просв. при предстоящем пересмотре положений о народных училищах. Что значит это «будут иметься в виду», — видно уже из безпримысливого скорого и достаточно красноречивого ответа министерства на ходатайство сумского земства о предоставлении земским упр. и училищ. советам права выбирать по своему усмотрению книги для чтения в школах из числа дозволенных общей цензурой к продажам. Министерство отклонило это ходатайство на том основании, что земским управам предоставлено право доставлять в ученический комитет мин. народ. пр. списки тех книг, которые они находят нужными включить в число допущенных министерством для употребления в школах, «чтобы устранялся всякое стеснение в выборе книг для школьных библиотек». Все сообщенные нам сведения о деятельности земств последних сессий буквально переполнены цфлой массой фактов, касающихся войны мин. нар. пр. с земскими народными школами. Ходатайство об учреждении навроградского городского училища (с участием в содержании этого земства) началось в 1870 г., а разрешение его последовало только в июле 1881 г. Комментарии, кажется, излишни! Ходатайство Блосерского з. собр. о разрешении учительских съездов не было разрешаемо вместе с прочими подобными же ходатайствами до ступления в должность министра бар. Николая. Екатерининскому губ. зем. собранию министр нар. просв. отказал даже в ходатайстве о причислении остатков сумм а содержание реального училища к смете будущего года и совершенно противоположно совершил это без внесения дфла в Общ. Совет. В Полтавской губернии до

сих пор нет учительской семинарии, несмотря на то, что учреждение ее было решено еще в 1870 г. — произошло же это вследствие того, что министерство в течение 12 лет отказывается в утверждении проекта этой семинарии, представленного земством, а земство в свою очередь не соглашается на поправки, предлагаемые министерством. Между тем губ. зем. собрание постоянно находит недостатки в учителях и посылает своих стипендиатов в семинарии соседних земств. Да вообще подобных фактов не оберешься, равно как не оберешься в доставленных нам материалах и поминутных жалоб на действия директоров и инспекторов народных училищ. Эти «школьные урядники» надоели всем земствам не меньше урядников мин. внутр. дфла. Миргородское земское собрание «обратило особенное внимание на полную бесполезность инспекторов народных школ, которые, по причине одной громадности подведомственных им районов, лишены всякой возможности исполнять свои обязанности», и поэтому решило ходатайствовать о предоставлении земству выбирать своих инспекторов. Не мало поучительного представляет также история надзора за земскими школами в Блосерском уезде, Новг. губ. В 1869 г. земство утвердило должность наставника-наблюдателя за школами, но уже в 1871 г. должность эта была уничтожена, вследствие неразрешения ей министерством. В 1874 г., наконец, надзор за школами переходит в руки училищного совета. Но, к несчастью для земства, оказывается, что цфлая коллегия, созданная для надзора, ограничивается только бумажным дфлопроизводством. Доклад управы за 1877 год говорит, что училищный совет, состоящий из восьми членов, по большинство их: предводитель, исправник, член от духовного ведомства, член, замещающий инспектора, и инспектор городского училища — на столько заняты своими дфлами, что действительно не могут уделять времени для инспекции школ. «Инспектор, говорит доклад управы за 1879 г., не только посещает лишь 2—3 земские школы в год, но оставляет без надзора даже образцовые школы». Вообще инспекторский надзор оказывается фикцией во всем касающемся пользы школ и настоящим тормазом для нормального развития. В 1879 г. инспектор не находил времени даже посещать школы и экзамены в них, но между тем считал своим долгом отрицать у члена училищ. совета, производившего экзамены, даже право давать отчет о положении школ училищному совету. В результате этого получились весьма прискорбные пререкания между управой и инспекцией, давшие повод первой приписывать недостаточные успехи школьного дфла влиянию последней. Ничуть не лучше положение дфла выяснено было земскою ревизионною комиссией в Уфимском уезде. Комиссия доложила собранию, что «население к школам охладело, дфти из них бфгут, дух казенщины мертвит дфло воспитания, источник же этой казенщины и вообще тормаз к развитию народного образования заключается в министерском контроле». Результатом такого влияния инспек-

ции, по докладу комиссии, было то, что замину нужных для узда, по крайней мере, 60 школ — существует всего 30, которые поглощают 15-т. р. ежегодно, принося в итоге то, что 15—17-ти летние парни, обучавшиеся в школах в течение нескольких лет, едва могут написать несколько слов. Интересно то, что когда земское собрание, выслушав доклад комиссии, обратилось к присутствовавшему в заседании инспектору народных школ с вопросом о средствах к улучшению положения дфла, то инспектор потребовал фактических доказательств справедливости заключений комиссии и, когда ему ответили, что для собрания этот факт уже достаточно констатированный, — он, не удостоивши собрание никаким ответом, просто ушел!... В Чептопольском (Казан. губ.) зем. собр. обнаружены также до невозможности единоличные и крайне вредные в педагогическом отношении действия инспекции, ухитрившейся в течение 3-х лет октябрь месяца, т. е. в самый разгар школьной работы, перевести с места на место 24 учителя. Александровское (Херс. губ.) у. з. собр. при рассмотрении вопроса о народном образовании постановило, руководясь, конечно, мотивами в роду предыдущих, ходатайствовать перед правительством о дозволении земству приглашать лиц, которые руководили бы народными школами, «так как существующая инспекция далеко не удовлетворяет своему назначению». Подобия же явления сдфла ны земствами Смоленской, Уфимской и многих из южных губерний. Все это, разумеется, ничуть не удивительно, если принять во внимание цфлая серия разных удивительных рассказов о деятельности этих урядников мин. нар. просв., хоть бы в роду, напр., сообщаемого газетой «Кубань» о ставропольском директоре народных школ, сумевшем разогнать в 1½ года не больше, не меньше, как 53 народных учителей, и уводящих своих подчиненных за одно употребление слова «хорошо» вместо требуемого «слушаю-сь!». А принявши во внимание такое положение народных учителей по отношению к всевозможным их начальствам, им же действительно имя легион, а сверх того среду, из которой стараются теперь набирать учителей — неудивительно, право, что учителя эти, по крайней мере в некоторых земствах (напр. в Тульском), предпочитают бфжать из урядников мин. нар. просв. в настоящие урядники или волостные писаря, — где и жалование больше и посторонние доходы есть, а главное, не приходится жить в качестве официально признанного «сцициста»...

Все это, разумеется, слишком не ново и вполне естественно при настоящем положении дфла. Но ново, отчасти, и весьма удивительно, хотя и также вполне естественно то, что введенные, наконец, из территории земства решаются уже как будто бы оказывать по возможности серьезное сопротивление министерству Толстого-Делянова и вступают, наконец, на тот путь, на который давно пора стать земству во всех отношениях, не исключая и основных вопросов государственного устройства. Так, напр., навроградское земство (Екатер. губ.)

въ теченіи пяти лѣтъ ходатайствовало передъ Мин. Нар. Просв. о преобразованіи существующей муж. четырехклассной прогимназии въ шестиклассную, изыскавши всѣ необходимыя для этого средства и ассигновавши, между прочимъ, отъ себя по 5 т. р. въ годъ. Ходатайство это не было принято во вниманіе. Затѣмъ земство, найдя еще новыя средства, постановило вновь просить министерство о томъ же предметѣ, съ тѣмъ, что если министерство и на этотъ разъ отвѣтитъ отказомъ, то земство будетъ считать себя свободнымъ отъ взноса 5 т. р. на прогимназію. Затѣмъ херсонское губернское земское собраніе постановило, во 1-хъ возобновитъ передъ правительствомъ всѣ ходатайства по народному образованію, на которыя не послѣдовало отвѣтовъ, начиная съ 1875 года, и, во 2-хъ, на случай вызова свѣдущихъ людей въ кохановскую комиссію, предложить на обсужденіе экстренныхъ земскихъ собраній вопросъ объ устройствѣ условій, вредящихъ развитію земскихъ учреждений, и выработанныя собраніями мѣрныя передать для руководства свѣдущихъ людей. Наконецъ, болѣе всего интересно рѣшеніе валдайскаго земства по поводу содержимаго на его счетъ желскаго училища. Въ училищѣ этомъ, въ іюнѣ прошлаго года, дирекціей народныхъ школъ была уволнена учительница и замѣнить ея назначена другая, при чемъ земская управа даже не была увѣдомлена объ этой переѣзѣ. Вслѣдствіе этого, а также и въ виду того, что по существующимъ законамъ выборъ кандидатовъ въ учителя этой школы, принадлежащей къ типу частныхъ или въ крайнемъ случаѣ приходскихъ, долженъ зависѣть отъ учрежденія, на счетъ котораго школа содержится, земская управа рѣшила прескратить выдачу содержанія новой учительницѣ впродъ до разрѣшенія земскаго собранія. Между тѣмъ дирекція нар. учил. заявила протестъ противъ такого распоряженія, какъ противъ незаконнаго. Собравшіеся затѣмъ земство постановило обжаловать дѣйствія дирекціи въ Мин. П. Пр., а въ случаѣ надобности и въ Прав. Сенатъ, до окончательнаго же разрѣшенія этой жалобы земство рѣшило отпустить ассигнованныя средства на содержаніе училища, но прекратить ихъ выдачу въ случаѣ, если жалоба земства не будетъ удовлетворена.

Если не столько рѣзкое, то, во всякомъ случаѣ, столько же энергическое и замѣчательно единодушное сопротивленіе земства Министерству Нар. Пр. видимъ мы и въ рѣшеніяхъ земскихъ собраній осенней сессіи по весьма важному вопросу объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, вопросу, грозящему полной гибелью всѣхъ земскихъ начинаній, при проэктируемомъ, какъ говорятъ, и вовсе не невозможномъ въ настоящія побѣдоносцевско-катковскія времена, переходѣ всѣхъ школъ въ заведеніе поновъ. Скромишь всѣхъ оказалось въ своихъ рѣшеніяхъ по этому поводу тверское земство, обсуждавшее этотъ вопросъ по случаю «тревожной вѣсти о замѣнѣ нѣмѣнскихъ школъ церковно-приходскими» и высказавшееся просто противъ такой замѣны, въ виду того, что и въ настоящее время законоучители не преподають въ школахъ закона Бо-

жія, а являются только туда за полученіемъ жалованья. Но вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніемъ отклонено было предложеніе гласнаго Петрункевича ходатайствовать о предоставленіи всѣмъ учителямъ права преподавать законъ Божій. Собраніе признало, что, если ученики народныхъ школъ и знаютъ что нибудь изъ Священной Исторіи, то только благодаря народнымъ учителямъ, но нѣмало «несвоевременнымъ» возбуждать ходатайство, которое, при извѣстныхъ качествахъ нашихъ клерикаловъ, могло бы дать имъ возможность представить дѣло такъ, какъ будто земство, хотѣвъ совсѣмъ устранить духовенство изъ своихъ школъ. Казанское губернское земство очевидно менѣе боявшееся такой комбинаціи, рѣшило ходатайствовать о предоставленіи училищнымъ совѣтамъ права допускать къ преподаванію Закона Божія и свѣтскихъ учителей, такъ какъ, будучи поставлено въ необходимость обязательно приглашать для этого священниковъ, оно (въ Мамадышскомъ, напр., уѣздѣ) видитъ, что иногда законоучитель въ теченіи двухъ лѣтъ не былъ въ школѣ ни разу. Костромское губернское земское собраніе, «въ виду возбужденнаго въ литературѣ вопроса объ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ съ передачей дѣла народнаго образованія въ руки духовенства, единогласно постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о сохраненіи за земствомъ въ полномъ объемѣ правъ, закономъ ему предоставленныхъ, въ дѣлѣ народнаго образованія». Бѣлозерское земство въ началѣ своего существованія держалось убѣжденія, что сельское духовенство должно считаться лучшимъ и удобнѣйшимъ проводникомъ нравственнаго развитія народа, однако ближайшее знакомство съ церковно-приходскими школами показало ему всю ихъ неудовлетворительность. «Кому не извѣстно, говорится въ журналѣ земскаго собранія за 1865 г., что школы при церквяхъ болѣею частью только считаются, въ дѣйствительности же вовсе почти не существуютъ. Сначала, вскорѣ послѣ открытія этихъ школъ, многіе изъ крестьянъ охотно посылали своихъ дѣтей туда учиться и даже оказывали учащимъ нѣкоторое пособіе, но затѣмъ надежды родителей не оправдались — дѣти ихъ часто, придя въ школу, не заставляли учителя, который былъ занятъ исполненіемъ требъ или работой по своему хозяйству. Земство объясняло неудовлетворительность церковно-приходскихъ школъ недостаткомъ спеціальной подготовки, а часто и просто педагогическаго призванія у многихъ духовныхъ лицъ, но тѣмъ не менѣе земство продолжало поддерживать эти школы. Истративъ, наконецъ, всю энергію и получивши самыя неблагопріятныя результаты отъ всей своей дѣятельности въ этомъ направленіи, земство, наконецъ, принуждено было сознаться, что поддержаніе церковно-приходскихъ школъ не приносить населенію никакой пользы. Съ 1869 г. оно начало хлопотать о подготовкѣ учителей для своихъ школъ — и только съ этого времени дѣло становилось на сколько нибудь надежную почву. Но и при этомъ земству пришлось испытывать большія затрудненія при призваніи законоучителей. Не говоря уже о томъ, что приходилось приглашать для этого священниковъ, живущихъ не бли-

же 12—15 верстъ отъ школъ, сами священники идутъ въ законоучители очень плохо. Такъ въ 1877 году добровольно изъяли согласіе быть законоучителями только 4 священники, а 22 школы оставались безъ законоучителей, послѣдствіе чего земство принуждено было обратиться въ консисторію, которая и назначила законоучителей своимъ уже собстvenной властью. . . . Точно такъ «неудобнымъ и недостигающимъ надлежащій цѣли» было признано замѣненіе сельскихъ учителей лицами изъ священно- и церковно-служителей и въ тамбовскомъ у. земскомъ собраніи. Но здѣсь дѣло было поведено иначе: рѣшительнѣе, и управа, вслѣдствіе того рѣшенія земства, обратилась въ училищный совѣтъ съ требованіемъ о доставленіи списка всѣхъ учителей уѣзда, съ тѣмъ, чтобы замѣнить всѣхъ учителей изъ священно- и церковно-служителей лицами, получившими свѣтское и спеціально педагогическое воспитаніе. «Опыты, говоритъ протоколъ собранія, достаточно убѣдили насъ въ томъ, что всѣ земства въ полной безполезности священно- и церковно-служителей въ замѣнъ учителей народныхъ школъ *)».

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Извѣстіе о помѣшательствѣ Н. Г. Чернышевскаго надо приписать съ большою осторожностью, такъ какъ оно сообщено въ извѣстномъ своей запискѣ вѣнскомъ «Tageblatt», репортеры котораго въ своихъ дѣлахъ обыкновенно или совсѣмъ выдумываютъ сенсационныя вѣсти, или перефразировываютъ духъ свѣдѣній изъ русскихъ, преимущественно женевскихъ газетъ. На этотъ разъ Триппини W. Tageblatt'a, кажется, просто перенесъ помѣщенія у насъ свѣдѣнія о «страстности» Н. Г. Ч—го (№56).

При случаѣ замѣтимъ, что передаваемыя (№ 48) слухи объ амнистіи Н. Г—чу дѣйствительно было распространены въ Петербургѣ, но съ сожалѣніемъ, не оправдались. Мы узнали, что эти слухи своимъ основаніемъ имѣютъ въ томъ, что одному изъ нашихъ писателей, или перефразировывая такъ называемаго «высшаго» петербургскаго общества о крайней негуманности и незаконности голубинго содержанія извѣстнаго писателя въ Вѣлюйскѣ. По Побѣдоносцевско-Толстовскому слуху подрѣзало распространение этого слуха въ ближайшихъ къ правительству кругахъ. Это, конечно, мало дѣлаетъ чести истинности болѣе благомыслящихъ людей въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, но еще болѣе увеличиваетъ отвѣтственность Побѣдоносцевско-Толстовской клики.

Поправки: Въ 57 №-рѣ «Вольнаго Слова» напечатано: на стр. 11, въ 3-мъ столбцѣ, въ стр. 3-ей строки, выѣсто строгаго; на стр. 12-ой, въ 1-мъ ст., въ стр. 27-ой — Россіи; въ стр. 18-ой: facta, вм. facta; на стр. 16 въ ст. 3-мъ, въ стр. 41-ой. Херс. губ. Повгор. губ.

*) Хорошей иллюстраціей здѣсь служить Кіевъ, гдѣ нѣтъ земства. По отчету М. Н. Пр. пер. прѣд. школы въ этой губерніи до такой степени плохо, что пріобрѣтеніе въ нихъ грамотности почти невозможно. Школы эти только носятъ названіе школъ, но въ дѣйствительности онѣ совсѣмъ не существуютъ, распространенію въ народѣ образованія тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ фактически не существуетъ, а значится только на бумагѣ священниковъ. Оказывается, что изъ 1063 церковно-приходскихъ школъ, въ дѣйствительности существуетъ только 261, остальные существуютъ только на бумагѣ. Точно такъ въ показанныхъ по отчетамъ 30000 учащихся, на самомъ дѣлѣ число ихъ едва достигаетъ 10000.

Редакторъ М. Драгомановъ.

Genève. Imprimerie de la Parole libre chemin Russe 15